Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 25 (6990) | 26 января 1937 г., вторник | ЦЕНА 10 КОП.

Нить за нитью распутывает Верховный суд всю сеть гнусного шпионажа, вредительства, убийств, которую плели троцкистские бандиты под руководством своего атамана Троцкого и фашистских разведок.

Все нарастает великий гнев великого советского народа. Из городов и сел, с заводов и шахт, из колхозов и совхозов несется единодушное требование:

Смерть всей троцкистской своре! Беспощадно раздавить гадину!

ТРОЦКИСТСКАЯ ШАЙКА РЕСТАВРАТОРОВ КАПИТАЛИЗМА

С каждым часом судебного следствия на процессе антисоветского троцкистского центра все более обнажаются грязные душонки участников этой шайки, все более раскрываются не только их преступные действия, но и их стремления, замыслы, программа удушения народов СССР. Пятаков, Радек, Сокольников и прочие обер-подлецы Троцкого признают, что их цель, их программа кратчайшим образом определяется как реставрация капитализма в нашей стране. Троцкистская шайка и ее атаман не ограничивали себя одной только формулой реставрации капитализма. Они расшифровывали и детализировали эту формулу в переговорах и соглашениях с германскими и японскими империалистами, на штыках которых мечтали пробраться к власти.

Основой для переговоров с империалистами о продаже нашей родины Троцкий выдвинул, как это видно из обвинительного заключения и как это подтверждают троцкистские бандиты на суде, развитие в СССР частного капитала, роспуск колхозов, ликвидацию совхозов, отказ от политики индустриализации, сдачу в концессию иностранным капиталистам целого ряда советских предприятий и предоставление Германии и Японии других экономических и политических выгод, в том числе уступки части советской территории.

Обессиленной, обескровленной, разодранной на части иностранными империалистами, вернувшейся к капиталистическому варварству—такой хотели сделать нашу родину троцкисты. Иуда-Троцкий писал своим сообщникам—Радеку, Пятакову и другим, что он добивается «приравнения социальной структуры СССР к капиталистическим державам». Пожилые рабочие и крестьяне СССР хорошо знают, что означает капиталистическое «приравнение». Это—ликвидация социализма в СССР, замена диктатуры рабочего класса диктатурой капиталистов и помещиков.

По статье 6-й Сталинской Конституции СССР «Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинотракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то-есть всенародным достоянием».

Все эти богатства нашей родины, добытые упорным трудом народа, троцкисты хотели отнять у народов СССР и передать их в грабительские руки иностранных капиталистов.

В показаниях на суде Пятаков, Радек, Сокольников рассказали, как представляли они себе процесс возрождения капитализма. Крупные предприятия они хотели сдать в концессию японским и немецким капиталистам. Вокруг концессионеров сосредоточивается частный капитал. Возрождается частная промышленность и торговля во все больших размерах, образуется новая, «своя» буржуазия, подчиненная буржуазии германской и японской. Колхозы распускаются, и на основе частно-собственнического хозяйства восстанавливаются капиталистические отношения и в деревне и в городе.

Троцкисты хотели, чтобы опять, как встарь, воцарились на фабриках и заводах прежние, капиталистические порядки. Они хотели, чтобы рабочий, который ныне в Советском Союзе полноправный хозяин на фабрике, стал рабом капиталиста; чтобы советский рабочий — ныне хозяин машины — стал ее невольником, придатком машины. Троцкисты хотели и добивались того, чтобы уничтожить завоевания рабочего класса СССР — завоевания всемирно-исторического значения. Они хотели уничтожить семичасовой рабочий день, уничтожить великие наши права на труд, на отдых, на образование, возродить ужасы безработицы, которые хорошо знакомы рабочим любого капиталистического государства и от которых избавлена победой социализма счастливая советская молодежь.

Троцкисты добивались, хотели распустить колхозы, которые являются бельмом на глазу у капиталистических хищников. В колхозах десятки миллионов крестьян СССР нашли избавление от вековой эксплоатации помещика и кулака, нашли путь к зажиточной и культурной жизни, путь к ликвидации векового идиотизма деревенской жизни, путь к счастью. Этого счастья творческого коллективного труда хотела лишить наших крестьян троцкистская шайка.

Советская земля, занимаемая колхозами, закреплена за ними Сталинской Конституцией в бесплатное и бессрочное пользование, то-есть навечно. Иуда-Троцкий и его банда собирались не только отдать германским и японским империалистам Украину, Приморье и Приамурье, но и по всей стране нарезать прекрасную советскую землю на имения кулаков и помещиков и десятки миллионов нельчайших полосок единоличных хозяйств.

Троцкистская мразь мечтала, чтобы вернулись безземелье и бедность в крестьянские семьи, чтобы снова, как когда-то в царской России и теперь во всем капиталистическом мире, росли в нашей деревне на одном полюсе нищета и голод миллионов, на другом полюсе — богатство кучки эксплоататоров. Они, троцкистские бандиты, хотели, чтобы кулаки стали хозяевами и господами в нашей деревне, они хотели разорить миллионы крестьян и отдать их в вечную кабалу кулаку и иностранному капиталисту, обречь крестьянство на муки голода, нищеты и унижения.

Троцкий и его банда стремились сделать всю нашу страну придатком, «экономическим дополнением» к капиталистическому хозяйству Германии и Японии, превратить цветущую нашу родину в колонию германского и японского империализма. Троцкий замышлял дать Германии и Японии эксплоатировать нашу руду, марганец, золото, нефть, апатиты и поставлять им продовольствие и жиры по ценам ниже мировых. Троцкий и его шайка хотели ликвидировать великие свободы советских граждан, записанные в Сталинской Конституции победившего социализма, и придавить народы СССР сапогом германской и японской военщины. Они хотели расчленить Союз Советских Социалистических Республик и надеть на народы СССР ярмо колониальной эксплоатации.

Троцкисты, в полном согласии со своими хозяевами, в полном согласии с Гитлером, хотели ликвидировать достигнутое в СССР и записанное в нашей Конституции полное равноправие наций и рас. Они хотели низвести русский, украинский, белорусский, грузинский и все другие народы СССР на ступень «низшей расы», которой будет повелевать «высшая раса» разбойничьего германского фашизма. В книге Гитлера «Моя борьба», этом евангелии фашистского разбоя, изложены заветные мечты германского империализма, которые легли и в основу программы Иуды-Троцкого. Гитлер пишет:

«Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».

Германский фашизм хочет завоевать советские земли и покорить народы СССР, дабы «применить к делу рабочую силу низших рас»... и в качестве завоевателя заставлять их «работать так, как это соответствовало его желанию и его целям».

Эта бредовая мечта фашистских хозяев,—которая никогда не будет осуществлена!—стала мечтой и троцкистской банды, выставившей программу колониального порабощения СССР, программу реставрации капитализма в СССР. Как и их хозяева, троцкистские холопы надеялись только на поражение СССР в войне с германским и японским империализмом и стремились ускорить эту войну и подготовить поражение СССР. Они устраивали взрывы на предприятиях, они составляли шпионские сводки для фашистских разведок, они убивали и отравляли рабочих и красноармейцев, взрослых и детей, они совершали все мыслимые подлости и злодейства и изобретали все новые сверхподлости и ультра-злодейства, чтобы прорваться к власти и восстановить капитализм в нашей стране. Никогда не сбыться этим мечтам подлейших из подлых! Нет и не будет в мире той силы, какая могла бы повернуть нас назад, под ярмо капитализма.

Отвратительны, гнусны, трижды подлы, но и ничтожны даже в ярости своей бешеные троцкистские псы, возмечтавшие отдать в капиталистическое рабство великую семью народов СССР. Великим гневом к троцкистской падали наполнены сердца десятков миллионов трудящихся. Суровая рука социалистического закона сметет с лица прекрасной советской земли троцкистскую нечисть.

НОРВЕЖСКАЯ ГАЗЕТА РАЗОБЛАЧАЕТ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРОЦКОГО

СТОКГОЛЬМ, 25 января. (ТАСС). Норвежская газета «Тиденс тайн» подтверждает, что Пятаков в декабре 1935 года посетил Осло. Примерно два месяца спустя, 25 февраля 1936 года, продолжает газета, Норвегию посетил американец Спектор и совещался с Троцким, как представитель американских троцкистов. Одновременно Троцкого посетил также американец Пайн. Спектор по возвращении в США сделал доклад о контрреволюционных директивах Троцкого против советского строя. Троцкого посещало также большое количество других лиц до того момента, как он был интернирован.

Ответы Италии и Германии на английскую ноту

РИМ, 25 января. (ТАСС). Сегодня итальянский министр иностранных дел Чиано отправил в английское посольство ответ на английскую ноту о запрещении отправки добровольцев в Испанию.

В ноте говорится, что итальянское правительство готово провести необходимые законодательные мероприятия, чтобы воспрепятствовать набору, от'езду и транзиту лиц, отправляющихся в Испанию для участия в военных действиях, как только все другие государства примут аналогичные меры и договорятся об основах системы контроля.

БЕРЛИН, 25 января. (ТАСС). Сегодня, как сообщает Германское информационное бюро, английскому послу в Берлине вручен ответ германского правительства на последнюю английскую ноту по вопросу о посылке добровольцев в Испанию.

Текст германского ответа по содержанию совпадает с итальянским.

Франко-германские отношения

Выступление Леона Блюма

ПАРИЖ, 25 января. (ТАСС). Вчера в Лионе состоялось собрание народного фронта. Все выступавшие на собрании ораторы — социалистический депутат Февре, коммунистический депутат Жак Дюкло, радикал-социалист Кампинки, Поль Бонкур, Виктор Баш, Эррио и Леон Блюм — подчеркивали сплоченность партий и организаций народного фронта, устоявшего перед всеми испытаниями.

Центральным моментом собрания бесспорно явилась большая политическая речь французского премьера Леона Блюма. Подчеркнув, что происходящее в Лионе собрание по своему значению равносильно подлинному с'езду народного антифашистского фронта, поскольку на нем представлены виднейшие руководители всех входящих в народный фронт организаций, Блюм подробно остановился на достижениях народного фронта и на тех мероприятиях, которые удалось осуществить правительству. Блюм отметил проведение ряда мероприятий в области социального законодательства и указал на оживление экономической жизни страны, на улучшение финансового положения Франции и т. д.

Переходя к вопросам внешней политики, Блюм остановился прежде всего на франко-германских отношениях. Касаясь предложения о прямых переговорах между Францией и Германией, Блюм напомнил, что такой контакт осуществляется постоянно через послов.

«Прямые переговоры существуют, — продолжает Блюм, — однако я опасаюсь, что, когда говорят «прямые переговоры», в действительности думают о другом. Прямые переговоры в представлении иных лиц, которые особенно охотно пользуются этим выражением, означают в действительности сепаратное урегулирование вопросов. Следовательно, подразумевается, что прочное соглашение могло бы быть достигнуто между Германией и Францией в результате переговоров с глазу-на-глаз, без участия других держав в обсуждении или в разрешении вопросов.

Совершенно очевидно, что эта концепция соответствует методу, выдвигаемому и практикуемому Гитлером, методу двусторонних договоров, сепаратно заключаемых каким-либо одним государством с каждым из окружающих и интересующих его государств. Этот метод приводит к изоляции одних государств от других как в переговорах, так и в результатах этих переговоров. Этот метод—не тот, который выдвигает и практикует французское правительство».

Далее Блюм указал:

«Я заявляю, что мы не хотим и не можем отделять безопасность Франции от европейской безопасности.

Мы убеждены, что никакое специальное обязательство, данное Франции, не гарантирует французскую безопасность. Это убеждение вытекает из формулы неделимого мира, часто неверно понимаемой. Мы не можем оставаться в Европе безучастными наблюдателями. Франция является членом Лиги наций. Она верна ее принципам и уставу, она верна также своим традиционным дружественным связям. Она верна принятым на себя обязательствам. Нашей целью остается урегулирование всей совокупности европейских проблем...

Мы ищем разрешения франко-германской проблемы именно в рамках урегулирования всех европейских проблем в целом. Я продолжаю верить, что это урегулирование положения будет возможно, если все европейские народы проявят добрую волю. Но я думаю, как это сказал Иден в своей речи в палате общин, что в данный момент эта возможность зависит главным образом от Германии».

Указывая, что в сознании многих зародилась мысль об оказании Германии экономической помощи взамен ее участия в деле умиротворения Европы, Блюм сказал, что он не хотел бы встать на эту почву. Поясняя свою мысль, он заявил:

«Каким образом можно представить себе экономическое соглашение, независимое от политического умиротворения? Какая страна согласилась бы сотрудничать с другой страной, открывая ей кредиты, улучшая условия поставок сырья, предоставляя ей возможность поселения и колонизации и т. п., если она должна опасаться, что эта помощь, оказанная ею, рискует обратиться в один прекрасный день против нее самой, если кредиты и сырье пойдут на увеличение военной мощи, жертвами которой станут она сама или ее друзья?

Я убежден, что уже самый факт гонки вооружений заставит Европу вновь заняться вопросом о разоружении. Вопрос об ограничении и прогрессивном уменьшении вооружений должен неизбежно стать составной частью общего соглашения, регулирующего европейские проблемы».

В заключение Блюм указал, что он вполне согласен с речью Идена в палате общин и в частности с заявлением английского министра, что мир нельзя исцелить с помощью пактов или договоров или с помощью речей, как бы возвышенны и миролюбивы они ни были, а что должна быть воля к сотрудничеству.

«Если, как мы этого желаем и надеемся, — заявил Блюм, — Германия также проявит свою волю к сотрудничеству, мы готовы сотрудничать с нею, как и со всеми другими странами, без всяких задних мыслей и недомолвок».

Правительственный кризис в Японии

Позиция военных властей

ТОКИО, 25 января. (ТАСС). В политических кругах считают, что шансы Угаки на сформирование нового японского правительства Японии ни в какой мере не улучшаются, а напротив ухудшаются. Это подтверждается новым заявлением военного министерства, выпущенным сегодня в полдень в форме «беседы представителя военного министерства с представителями печати». Это заявление опубликовано в вечерних изданиях всех газет. По словам авторов заявления, военные власти желают «чтобы все поняли, что если Угаки, формируя кабинет, наметит кого-либо для занятия поста военного министра и обратится к кому-либо лично в армии, то не найдется ни одного человека, который бы принял это предложение, в виду того, что принятие его было бы вредным для единства армии».

ТОКИО, 25 января. (ТАСС). По сообщению агентства Домей Цусин, Угаки заявил сегодня представителям печати, что он, приняв поручение о составлении нового кабинета, просил у императора нескольких дней для выполнения этого поручения.

Газеты «Ници-ници» и «Хоци» сообщают, что военные власти, обсудив создавшееся положение, уже признали, что они не будут поддерживать Угаки в формировании нового кабинета. По словам «Нициници», в принятии этого решения участвовали заместитель военного министра Умедзу, заместитель начальника генерального штаба Нисио, заместитель генерального инспектора военного обучения Накамура и другие, собравшиеся на экстренном совещании в военном министерстве. Решение этого совещания тотчас было доведено до сведения начальника генерального штаба принца Канина. Нежелание поддерживать правительство Угаки, пишет газета «Ници-ници», совещание мотивировало следующими соображениями:

1) Образование правительства Угаки отрицательно отразится на укреплении дисциплины в армии. Армия категорически возражает против образования правительства Угаки, поскольку существование такого правительства препятствовало бы «единому контролю над армией».

2) Оценка нынешнего чрезвычайного положения, которой придерживается Угаки, по всем данным, диаметрально противоположна оценке армии.

Агентство Домей Цусин указывает, что Терауци сегодня утром, докладывая принцу Канину, вновь подтвердил, что правительство Угаки неприемлемо для армии.

Сегодня утром Угаки принял много посетителей из деятелей политического и делового мира, в том числе председателя ассоциации резервистов Судзуки, члена тайного совета Исидзука и ряд членов парламента от партий Минсейто и Сейюкай. Сегодня же Угаки, по словам агентства, собирается встретиться с Терауци и Нагано для ознакомления со взглядами армии и флота.

В то время как военные власти категорически возражают против сформирования правительства Угаки, политические партии и деловые круги весьма сочувственно встретили перспективу образования правительства Угаки.

Так, партия Минсейто, по словам «Асахи», окажет всемерную поддержку правительству Угаки даже в том случае, если Угаки в создавшейся обстановке будет лишен возможности включить представителей Минсейто в кабинет, понимая, что сам Угаки при наличии свободы действий охотно включил бы в кабинет представителей этой партии. Партия Сейюкай, продолжает «Асахи», не едина в вопросе о поддержке правительства Угаки, поскольку небольшое число ее членов полагает, что Угаки не сможет открыто сотрудничать с политическими партиями. Все же, пишет газета, большинство партии Сейюкай охотно поддержит правительство Угаки даже в том случае, если бы он пригласил кое-кого из сейюкаевцев в кабинет, минуя руководство партии. Более того, по мнению газеты, Сейюкай поддержит Угаки даже в том случае, если он не включит сейюкаевцев в кабинет.

Из опроса руководителей японских деловых кругов, проведенного сегодня корреспондентами агентства Домей Цусин, видно, что кандидатура Угаки встречена деловыми кругами с большим удовлетворением. Глава токийской расчетной палаты указал: «Финансовые круги надеются, что будет проведена умеренная финансовая политика, изменяющая политику Баба, зашедшую слишком далеко в деле повышения налогов, контроля над валютными операциями и т. п.».

Все газеты посвятили передовые статьи формированию нового кабинета. Газеты без исключения приветствуют перспективу прихода правительства Угаки к власти.

ТОКИО, 24 января. (ТАСС). Агентство Домей Цусин сообщает, что фашистская организация «Дзикиоку киогикай» («Комитет чрезвычайного времени») продолжает развивать большую активность. Сегодня ею опубликована декларация, требующая «образования сильного правительства и ликвидации всех политических партий». Декларация призывает армию и флот всеми возможными средствами предотвратить вхождение в новый кабинет представителей политических партий и провести в жизнь намеченную военными кругами административную реформу.

Э. М. Катшен — машинист депо Смоленск, Западной железной дороги — герой стахановско-кривоносовского труда, доказавший возможность водить поезда по графику на любых углях.

ОТКРЫЛСЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ XIV С'ЕЗД СОВЕТОВ УССР

КИЕВ, 25 января. (Корр. «Правды»). Около тысячи делегатов Советской Украины с'ехалось в украинскую столицу на Чрезвычайный XIV Республиканский С'езд Советов.

С'езд открыл председатель ЦИК УССР тов. Петровский.

— Свое освобождение украинский народ, — говорит тов. Петровский, — завоевал под руководством партии Ленина—Сталина, которая вывела рабочих и крестьян на широкую дорогу свободной и радостной жизни.

Крепнет советский патриотизм, любовь советского народа к своему социалистическому отечеству. Никаким врагам — ни фашистам, ни подлой троцкистско-зиновьевской банде, ни правым, ни националистам всех мастей, которые хотят восстановить в нашей стране власть капиталистов и помещиков, никогда не удастся повернуть колесо нашей истории назад.

С'езд избирает президиум в составе 54 человек. Под бурные овации с'езд избирает в почетный президиум товарищей Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина, Орджоникидзе, Андреева, Микояна, Чубаря, Рудзутака, Жданова, Ежова и Эйхе.

С докладом о проекте республиканской Конституции выступил тов. П. П. Любченко.

— Украинская Советская Социалистическая Республика, — говорит тов. Любченко,—в братском союзе с другими советскими республиками прошла большой путь борьбы и побед. Коренные изменения, которые произошли в экономике и классовой структуре всего Советского Союза, полностью отражаются и на Советской Украине. Основные пункты Сталинской Конституции должны войти без изменений и в новую Конституцию УССР.

— Мы разбили всех врагов,—указывает тов. Любченко, — потому что украинские рабочие и крестьяне пользовались братской помощью русского пролетариата. Украинский народ никогда не забудет, что его свобода, независимость и счастливая жизнь куплены ценой обильной крови, пролитой лучшими сынами русского народа. **(Бурные аплодисменты).**

Яркими фактами и примерами из социалистического строительства на Украине, отдельными документами, выдержками из писем стахановцев, рабочих, колхозников, интеллигенции, школьников докладчик иллюстрирует и обосновывает каждую статью проекта новой Конституции.

— Мы знаем, — говорит в заключение тов. Любченко, — что современные людоеды, фашистские заправилы на Западе и Дальнем Востоке в своей подготовке к войне с нами рассчитывают на поддержку троцкистских бандитов, превратившихся в шпионов и диверсантов — в самую мерзкую агентуру фашизма. Мы знаем, что трижды презренная кучка изменников, которые торговали оптом и в розницу советской территорией, и в особенности украинским народом, хотела навязать Советскому Союзу ярмо капиталистической эксплоатации.

Верховный суд Советского Союза сотрет с лица земли подлых контрреволюционеров, подручных Иудушки-Троцкого, наемных псов фашизма.

Утверждая новую Конституцию УССР, Конституцию победившего социализма, избранники украинского народа и все трудящиеся Украины заявляют:

— Мы сделаем все для того, чтобы Украинская Советская Социалистическая Республика была лучшей жемчужиной в созвездии социалистических республик. Мы сделаем все для того, чтобы границы Советской Украины были неприступны, были смертельны для всякого врага, который осмелится их перешагнуть!

С'езд послал приветственные телеграммы товарищам Сталину, Молотову и Калинину.

Рекорд стахановца Гомулько

КИЕВ, 25 января. (Корр. «Правды»). Стахановец 4-й обувной фабрики тов. Гомулько установил сегодня новый рекорд, обтянув за смену 4.860 пар обуви при норме в 1000 пар. Свой рекорд тов. Гомулько посвятил Чрезвычайному XIV Всеукраинскому С'езду Советов.

Вслед за тов. Гомулько образцы высокой производительности труда показали и другие рабочие фабрики. Фрезеровщик подошвы тов. Мочалов выполнил норму на 373 процента, затяжчики Эльвих и Клименко — на 325 и 350 процентов. Закройщик Васильев выкроил 520 пар при норме в 165 пар.

Экспонаты на Парижскую выставку

В помещении Народного комиссариата легкой промышленности СССР устроен закрытый просмотр экспонатов, предназначаемых для Парижской международной выставки 1937 года. Среди экспонатов—изделия хлопчатобумажной, шелковой, шерстяной, льняной, обувной и стекольной промышленности.

Экспонаты осмотрели товарищи Калинин, Микоян, Чубарь, Хрущев, Сулимов, маршал Советского Союза Буденный, комиссар советской части Парижской выставки И. Межлаук, делегаты Чрезвычайного XVII Всероссийского С'езда Советов.

Отважные велосипедисты прибыли в Киев

КИЕВ, 25 января. (Корр. «Правды»). Сегодня в столицу Украины прибыли пять украинских пограничников-велосипедистов, совершающих грандиозный пробег вдоль границ СССР. Отправившись в пробег из Киева 15 февраля прошлого года, они прошли 30.007 километров.

Несмотря на сильный мороз, отважных велосипедистов на площади Героев Перекопа ждали тысячи трудящихся Киева, почетный караул пограничников, отряды лыжников, физкультурники. На площади состоялся короткий митинг. Отвечая на приветствия, командор пробега тов. Людмирский рассказал о пройденном пути. Велосипедисты дважды пересекли почти всю страну—с запада на восток и с востока на запад. Мировой рекорд дальности пробега на велосипедах пограничники перекрыли еще в Хабаровске, пройдя 16.000 километров. В течение 8 месяцев (из 11 месяцев и 10 дней) пришлось ехать в трудных зимних условиях.

27 января пограничники отправятся из Киева в последний этап пробега—к финишу в Москву.

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 24 ЯНВАРЯ

Допрос свидетеля Ромма

Председатель: Ваше служебное положение?

Ромм: Я был корреспондентом «Известий» в Соединенных Штатах.

Вышинский: Как долго вы были знакомы с подсудимым Радеком?

Ромм: С 1922 года.

Вышинский: Что вас связывало с Радеком в прошлом?

Ромм: Сначала я был знаком с ним по литературным делам, затем в 1926—27 г.г. меня с ним связывала совместная троцкистская антипартийная работа.

Вышинский: Вы были в Женеве?

Ромм: Да, я был корреспондентом ТАСС в Женеве и в Париже. В Женеве с 1930 г. по 1934 г.

Вышинский: Меня интересует ваш женевский период. Будучи в Женеве, вам приходилось встречаться с Радеком?

Ромм: Да, весной 1932 года. Когда Радек приехал в Женеву, я передал ему *письмо Троцкого, которое получил от* Седова незадолго перед тем в Париже.

Вышинский: Расскажите, как вы *получили письмо от Троцкого, какое поручение* вы имели при этом, как вы выполнили это поручение?

Ромм: В 1931 г. *летом при проезде* через Берлин я встретился с Путна, который предложил свести меня с Седовым. Я *с Седовым встретился* и на его вопрос, готов ли я, если понадобится, взять на себя поручение по связи с Радеком, ответил согласием и дал ему свои адреса — парижский и женевский.

За несколько дней перед моим от'ездом в Женеву, будучи в Париже, я получил по городской почте письмо, в котором была короткая записка от Седова с просьбой передать вложенное в конверт письмо Радеку. Я это письмо взял с собой в Женеву и передал Радеку при встрече с ним.

Вышинский: Радек прочел письмо при вас или без вас?

Ромм: Он при мне его быстро прочел и положил его в карман.

Вышинский: Что же вам сообщил Радек о содержании этого письма?

Ромм: Что оно содержит директиву об об'единении с зиновьевцами, о переходе к *террористическому методу борьбы против* руководства ВКП(б), в первую очередь — против Сталина и Ворошилова. Затем Радек *уехал в* Москву и я не видел его до осени 1932 г.

Вышинский: Что же случилось осенью 1932 года и где вы *находились в это* время?

Ромм: Я был корреспондентом ТАСС в Женеве и Париже, приехал в Москву в командировку и встретился с Радеком, который сообщил мне, что, во исполнение директивы Троцкого, троцкистско-зиновьевский блок организовался, но что он и Пятаков не вошли в этот центр. Далее Радек сказал, что возникла мысль *о создании* запасного или параллельного центра с преобладанием троцкистов, чтобы в случае провала действующего центра *был* запасный центр. Он сказал, что хочет по этому вопросу запросить директиву Троцкого и послать со мною письмо.

Вышинский: Что же в этом письме было написано? Вам было это известно?

Ромм: Да, потому что мне было письмо вручено, затем вложено в корешок немецкой книги перед моим от'ездом в Женеву обратно осенью 1932 г.

Вышинский: Кто вам дал это поручение?

Ромм: Радек. Проездом через Берлин в Женеву я с вокзала послал бандеролью эту книгу на обусловленный адрес, который дал мне Седов, до востребования в один из берлинских почтамтов и одновременно небольшое письмо с указанием, что в этой книге и где именно заделано письмо.

Вышинский: Было это письмо получено Седовым? Вам известно об этом?

Ромм: Предполагаю, что да, потому что при следующей моей встрече с ним было ясно, что оно было получено.

Вышинский: Была у вас еще встреча с Седовым?

Ромм: Моя следующая встреча с Седовым была в июле 1933 года.

Вышинский: *По какому поводу, где и* как встретились вы снова?

Ромм: В Париже. Я приехал из Женевы и через *несколько дней мне позвонил* по телефону Седов и назначил свидание в кафе на бульваре Монпарнас. Седов *сказал, что хочет устроить мне встречу с* Троцким. Через несколько дней он мне позвонил и назначил встречу в том же кафе. *Оттуда мы отправились* в Булонский лес, где встретились с Троцким.

Вышинский: Это было когда?

Ромм: В конце июля 1933 года.

Вышинский: Как долго длилась эта встреча с Троцким?

Ромм: Минут 20—25.

Вышинский: Для чего же Троцкий встретился с вами?

Ромм: *Как я понял*, — для того, чтобы подтвердить устно те указания, которые я в письме вез в Москву. Разговор он начал с вопроса о создании параллельного центра. Он сказал, что опасность преобладания зиновьевцев налицо, и она будет велика лишь в том случае, если троцкисты не проявят должной активности. С идеей параллельного центра он согласен, но при непременном условии сохранения блока с зиновьевцами и, далее, при условии, что этот параллельный центр не будет бездействующим, а будет активно работать, собирая вокруг себя наиболее стойкие кадры. Затем он перешел к вопросу о том, что в данный момент особое значение приобретает не только террор, но и вредительская деятельность в промышленности и в народном хозяйстве вообще. Он сказал, что в этом вопросе, видно, есть еще колебания, но надо понять, что человеческие жертвы при вредительских актах неизбежны и что основная цель — это через ряд вредительских актов подорвать доверие к сталинской пятилетке, к новой технике и тем самым к партийному руководству. Подчеркивая необходимость самых крайних средств, Троцкий процитировал латинское изречение, которое говорит: «Чего не излечивают лекарства, то излечивает железо, чего не излечивает железо, то излечивает огонь». Я, помню, задал несколько недоуменный вопрос о том, что это же будет подрывать обороноспособность страны, в то время как сейчас, с приходом Гитлера к власти, опасность войны, в частности опасность нападения на СССР со стороны Германии, становится особенно актуальной. На этот вопрос я развернутого ответа не получил, но Троцким была брошена мысль о том, что именно обострение военной опасности может поставить на очередь вопрос о пораженчестве.

Затем он передал мне книгу — роман Новикова-Прибоя «Цусима», сказав, что в переплет этой книги заделано письмо Радеку. Эту книгу я взял с собой в Москву и по приезде передал ее Радеку у него на квартире.

Вышинский: Это когда было?

Ромм: Это было в августе 1933 года.

Вышинский: Дальше.

Ромм: Я Радеку рассказал о своем разговоре с Троцким. Он сказал, что, очевидно, к моменту моего возвращения из отпуска он даст мне ответ для Троцкого. Вернувшись из отпуска, я получил от Радека для передачи через Седова письмо Троцкому, заделанное опять-таки в переплет немецкой книги.

Вышинский: Когда это было?

Ромм: В конце сентября 1933 года. *Письмо это, вернее книгу с заделанным* в нее письмом, я передал Седову в Париже в ноябре 1933 года. Затем следующая *моя встреча с Седовым была в* апреле 1934 года в Париже.

Вышинский: По какому поводу?

Ромм: *Он мне позвонил и выразил* желание со мной встретиться. Мы встретились с ним в Булонском лесу. Я ему *сообщил, что в скором времени* буду назначен в Америку, так что по части связи помогать не смогу. Он об этом пожалел и затем, узнав, что я через короткое время еду в Москву, просил меня привезти от Радека подробный доклад о положении дел, *о работе* всей организации.

Вышинский: Вы выполнили поручение?

Ромм: Да, выполнил. Я передал Радеку это *поручение*, и в мае 1934 года, перед моим от'ездом в Америку, он мне вручил письмо, опять-таки заделанное в книгу, насколько помню, это был англо-русский технический словарь. Письмо, по его словам, содержало подробные отчеты как действующего, так и параллельного центра о развертывании политической и диверсионной работы. Это письмо, вернее книгу с этим письмом, я передал в Париже Седову.

Вышинский: Это все ваши передачи?

Ромм: Да. Всего было передано в обе стороны пять писем.

Вышинский: К чему сводились ваши разговоры с Седовым относительно вашего назначения в Америку?

Ромм: Седов сказал мне, что, в связи с моей поездкой в Америку, имеется просьба Троцкого: в случае, если будет что-либо интересное в области советско-американских отношений, информировать его. Когда я спросил, почему это так интересно, Седов сказал: «Это вытекает из установок Троцкого на поражение СССР. Поскольку вопрос о сроках войны Германии и Японии с СССР в известной мере зависит от состояния советско-американских отношений, это не может не интересовать Троцкого».

Вышинский: Иначе говоря, вы получили через Седова предложение информировать Троцкого об отношениях между Америкой и Советским Союзом с точки зрения ориентации Троцкого и его линии?

Ромм: С точки зрения его пораженческой установки.

Вышинский: Значит, вы, по совместительству, были корреспондентом «Известий» и спецкорреспондентом Троцкого, так?

Ромм: Да. Я согласился присылать интересующую Троцкого *информацию*.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО СОКОЛЬНИКОВА

Вышинский: Подсудимый Сокольников, расскажите, пожалуйста, о вашем отношении к об'единенному троцкистско-зиновьевскому террористическому центру.

Сокольников: Мне был известен состав об'единенного центра, были известны террористические установки, было известно, что еще осенью 1932 г. об'единенный центр намечал подготовку террористических актов против Сталина и Кирова. Было известно, что Бакаеву поручена работа по сосредоточению всех связей с террористическими группами об'единенного центра. Было известно, что московские террористические группы подчинены Рейнгольду.

Вышинский: Когда вы говорили с Пятаковым и Радеком *по поводу вашей практической* работы в параллельном центре?

Сокольников: Моя работа в параллельном центре *началась летом* 1935 года. До этого она выразилась только в выполнении поручения относительно переговоров с одним дипломатическим представителем.

Вышинский: А когда вы имели разговор с этим представителем иностранного государства?

Сокольников: Это было в середине апреля 1934 года.

Вышинский: А в 1934 году вам *приходилось вести с кем-нибудь разговоры* относительно пораженческой установки блока?

Сокольников: *У меня был разговор* с Каменевым в начале 1934 года. В этом разговоре Каменев мне сообщил о пораженческих установках Троцкого и собственных пораженческих взглядах. Конкретным выводом из этой беседы было, между прочим, предупреждение Каменевым меня о том, что ко мне могут обратиться с запросом.

Вышинский: Кто может обратиться?

Сокольников: Дипломатический представитель одной страны.

Вышинский: Вам говорил Каменев, с каким *запросом обратятся к вам?*

Сокольников: Да, он мне говорил, что ко мне обратятся за подтверждением того, что *переговоры, которые* ведутся Троцким за границей, ведутся им не от своего собственного лица, а что за Троцким действительно *стоит организация*, представителем которой он и является.

Вышинский: Такой вопрос был обращен к вам?

Сокольников: Да, в середине апреля, после окончания одной из официальных бесед с представителем одной страны, с которым я часто встречался по своим служебным обязанностям. Разговор произошел по окончании официальной беседы, когда переводчики вышли в соседнюю комнату. В то время, когда я провожал своего собеседника к *выходу, он спросил меня, известно ли мне,* что Троцкий обратился с некоторыми предложениями к его правительству? Я подтвердил, *что мне это известно. Он спросил* далее — являются ли эти предложения серьезными? Я подтвердил и это. Он спросил — *является ли это моим личным* мнением? Я сказал, что это не только мое мнение, что это мнение и моих друзей.

Этот его вопрос я понял как подтверждение того, что правительство этой страны действительно получило предложение Троцкого *убедиться в том*, что действительно предложения Троцкого известны организации и что право Троцкого на эти переговоры *не оспаривается*.

Вышинский: Какую официальную должность вы занимали тогда?

Сокольников: Заместитель *народного комиссара* иностранных дел.

Вышинский: Вы передавали кому-нибудь *об этой своей беседе с представителем* иностранного государства?

Сокольников: Об этой беседе я, *примерно, через месяц разговаривал с Радеком*, а потом с Пятаковым. В июле 1935 года Радек мне сообщил, что Троцкий выражал *неудовольствие, что я выполнил это поручение* формально, т. е. подтвердил полномочия, но не подтвердил предложения по *существу, не защитил их, не агитировал* за них.

Летом 1935 года, несколько месяцев *спустя после арестов* зиновьевцев и части троцкистов, я, зная, что я выделен в параллельный центр, считал, что я обязан *связаться с его членами*.

Я обратился первоначально не к Пятакову, а приблизительно недели за три или за месяц я встретился с Радеком.

Вопросы, которые мы обсуждали с Радеком, были вопросы выполнения террористических установок и вопросы организационного порядка в этой связи. Затем мы обсуждали и некоторые программные вопросы.

Вышинский: Какие, например?

Сокольников: Программные вопросы в связи с изменением международной обстановки. Я забыл сказать, что мне известно было о переговорах, которые вели члены об'единенного центра с правыми.

Вышинский: С кем персонально?

Сокольников: Я знаю, что Каменевым велись переговоры с Бухариным и Рыковым; знаю, что Зиновьев и еще кто-то, сейчас не помню, вели переговоры с Томским и Углановым.

В этих переговорах была установлена общность основных программных вопросов и общность тактических установок, в част*ности принятие террористического способа* борьбы.

Но правые не вошли в блок. Они заявили, что, *будучи согласны* со всем, они хотят сохранить свою отдельную организацию, свою центральную группу и поддерживать *лишь контакт с об'единенным* центром.

Что касается программных установок, то еще в 1932 г. и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась как программа правых. Это — так называемая рютинская платформа; она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще в 1932 г.

Что касается дальнейшего развития этой программы, то руководящие члены центра считали, что в качестве изолированной революции наша революция не может удержаться как социалистическая, что теория каутскианского ультраимпериализма и теория бухаринского организованного капитализма, родственная ей, оказались правильными. Мы считали, что фашизм — это самый организованный капитализм, он побеждает, захватывает Европу, душит нас. Поэтому лучше с ним сговориться, лучше пойти на какой-то компромисс в смысле отступления от социализма к капитализму...

Вышинский: Вы с Пятаковым говорили после того, как он вернулся из-за границы?

Сокольников: Да. Это было в январе 1936 г. Пятаков сообщил мне о том, что Троцкий вел переговоры с Гессом. В этих переговорах Гесс был уполномочен выставлять требования, которые касались не только германских интересов, но также интересов еще одной страны. Пятаков передавал мне, что он понял Троцкого таким образом, что это были переговоры по ряду *вопросов, по которым и было* достигнуто соглашение. Конечно, предполагалось, что этот проект соглашения будет направлен и в *официальные круги*, а не *останется* соглашением только этих двух собеседников. И Пятаков и я, конечно, очень колеба*лись, видя* в развернутом и законченном виде это соглашение. Здесь получился, как ни печально это сказать, концентрированный букет. Мы понимали, что дело не в наших чувствах — хороших или плохих; мы рассуждали как политики, и следовательно мы должны были решать политический вопрос. Если мы превращаемся просто в придаток немецкого фашизма, который нас использует и выбросит потом, как грязную тряпку, то мы осуждены, опозорены, доказано полнейшее наше ничтожество.

Вышинский: А вы думали, что вас постигнет иная судьба, чем использование *вас фашизмом, а потом выбрасывание, как* ненужной тряпки?

Сокольников: Конечно. Если бы мы рассчитывали только на такой конец, нам надо было бы полностью ликвидировать блок.

Вышинский: Вы думали, что вам удастся удержать некую самостоятельность?

Сокольников: Я говорю с точки зрения того дня. Мы считали, что у нас остаются известные шансы. В чем мы их видели? Мы видели их в игре международных противоречий. Мы считали, что, скажем, полное засилие немецкого фашизма в Советском Союзе не может быть осуществлено, потому что оно встретится с возражениями других империалистских соперников, что тут могут быть некоторые международные столкновения, что тут мы сможем опереться на другие силы, которые не заинтересованы в укреплении фашизма.

Мы считали, что внутри страны мы сможем опереться на известные слои. Я должен только сказать — мы понимали, что в своих программных установках нам надо возвращаться к капитализму и выставлять программу капитализма, потому что тогда сможем опереться на некоторые слои в стране...

Вышинский: Конкретно, на какие силы вы рассчитывали внутри страны? На рабочий класс?

Сокольников: Нет.

Вышинский: На колхозное крестьянство?

Сокольников: Конечно, нет.

Вышинский: На кого же?

Сокольников: Говоря без всякого смущения, надо сказать, что мы рассчитывали, что сможем опереться на элементы крестьянской буржуазии...

Вышинский: На кулака, на остаточки *кулака?*

Сокольников: Так. Блок должен был привести к тому, что эти остаточки должны *были расшириться. Конечно, я повторяю*, что наша программа сделки с немецким фашизмом, которая обеспечила бы *приход блока к власти, обозначала* и *крупнейшие* социальные сдвиги в Советском Союзе и появление сил, которые поддержи*вали бы правительство блока*.

Вышинский: В каком направлении сдвиги?

Сокольников: Сдвиги в сторону реставрации капитализма. Те элементы, которые были бы в этом заинтересованы и приняли это, как благодеяние, были бы довольны такой политикой и поддержали бы блок. Но я хочу сказать, что эта перспектива не очень многим лучше, чем перспектива оказаться просто придатком немецкого фашизма. Но это была перспектива на то, что блок может удержать власть в стране, опять-таки лавируя известным образом между различными классами, опираясь на *одних против других*.

Вышинский: Словом, коротко говоря, через какие этапы лежал ваш путь к власти, *по вашему представлению?*

Сокольников: Путь к власти лежал через постепенное восстановление капиталистических элементов, которые бы вытесняли и, в известной мере, замещали элементы социалистические.

Вышинский: А относительно агрессоров?

Сокольников: Мы шли на соглашение с ними, которое бы привело к тому, что в ходе войны и в результате поражения СССР правительство блока могло бы оказаться у власти.

Вышинский: Таким образом, правильно ли я формулирую в обвинительном заключении: «Главной своей задачей параллельный центр ставил насильственное свержение советского правительства, в целях изменения существующего в СССР общественного и государственного строя...» Правиль*на эта формулировка?*

Сокольников: Да, правильна.

Вышинский: Далее, в обвинительном за*ключении я говорю*: «Л. Д. Троцкий и, по его указанию, параллельный троцкистский центр добивались захвата власти при помощи *иностранных государств*, с целью восстановления в СССР капиталистических отношений». Правильна эта формулировка?

Сокольников: Правильна.

Вышинский: Вы сказали, что вы исходили из необходимости опереться на известные социальные слои населения. Вы назвали кулака, как опору блока. Правильна эта формулировка?

Сокольников: Да, как такую силу, которая, получая от правительства блока определенные выгоды, будет заинтересована в сохранении власти этого блока.

Вышинский: Кроме этого, на какие еще элементы вы рассчитывали? Рассчитывал ли блок в своей борьбе ограничиться только своими собственными силами, или он имел в виду об'единить и другие антисоветские элементы в стране?

Сокольников: Несомненно. Это вытекало из той экономической политики, которую намечал блок. Естественно, если блок предполагал предоставление концессий иностранному капиталу, сдачу в аренду отдельных заводов иностранному капитализму, предполагал, во всяком случае вначале, частичный роспуск колхозов, то очевидно, что это создавало не только прямые элементы крупного капитализма, но и мелкокапиталистическую среду, мелких торговцев, мелкую буржуазию, которая была бы заинтересована в сохранении этого режима и поддерживала бы таким образом блок.

Вышинский: А вот в связи с тем, что вы говорите относительно социально-экономических планов: каково было отношение блока к политике индустриализации?

Сокольников: Отрицательное. Блок считал, что политика индустриализации будет свернута, что часть предприятий перейдет к концессионерам.

Вышинский: Т. е. вы хотели отказаться от политики индустриализации?

Сокольников: Да.

Вышинский: А политика коллективизации?

Сокольников: Предполагалось отказаться от нынешней политики коллективизации, свернуть эту политику.

Вышинский: Это входило в план тех социально-экономических мероприятий, которые намечал блок?

Сокольников: Мне кажется, я об этом говорил. Это входило в план блока, и мы также понимали, что из этого вытекает отказ от курса на непосредственное строительство бесклассового общества.

Вышинский: Значит, восстановление классового деления общества?

Сокольников: Восстановление капитализма — это и есть восстановление классов.

Вышинский: Значит, устанавливаем для полной ясности: всю совокупность *этих мероприятий* вы понимаете как программу капиталистической реставрации?

Сокольников: Эта программа есть неиз*бежный и обязательный вывод из* программы правых, т. е., попросту говоря, программы отступления или реставрации *капитализма*.

Вышинский: Известно вам о привлечении к вашей троцкистской, антисоветской, преступной деятельности нечленов троцкистской организации, других, настроенных антисоветски людей?

Сокольников: Мне передавал Пятаков, что в директиве Троцкого о развертывании вредительской работы содержалось указание на то, что группа блока, ведущая вредительскую работу, должна связаться с другими контрреволюционными группами.

Вышинский: Какими именно?

Сокольников: Этого я уточнить не могу. С другими контрреволюционными группами, ведущими такую же работу. Указыва*лось на то, чтобы найти бывшие* вредительские организации среди специалистов.

Вышинский: Среди бывших вредителей периода Промпартии, шахтинского процесса?

Сокольников: Да.

Председательствующий: Скажите, пожалуйста, подсудимый Сокольников, с какими террористическими группами вы были связаны в 1935—36 г.г.

Сокольников: В 1935 г. ко мне пришел Тивель и сообщил, что он связан с террористической группой Закса-Гладнева. Тивель спрашивал указаний о дальнейшей деятельности этой группы.

Председательствующий: На кого эта группа готовила покушение?

Сокольников: Мне Тивель говорил тогда, что у них было задание подготовить террористический акт против Сталина.

Председательствующий: Можно отсюда сделать вывод, что группа Закса-Гладнева была под вашим непосредственным руководством, если к вам обращались за советом?

Сокольников: Я не руководил ее оперативной работой, но я непосредственно санкционировал продолжение ее деятельности.

Председательствующий: А сколько раз и когда вы имели беседы с представителями этой группы Закса-Гладнева?

Сокольников: В начале 1936 года, весной 1936 года.

Председательствующий: Значит, весной 1936 года, в период ваших «колебаний», вы непосредственно были связаны с деятельностью террористической группы, той группы, которая готовила покушение на товарища Сталина?

Сокольников: Я был связан с Тивелем непосредственно, Тивель был непосредственно связан с группой Закса-Гладнева. Был ли Тивель сам членом этой группы, я не знаю.

Председательствующий: Известно вам было о подготовке в 1934 г. покушения на тов. Кирова? Известен ли был вам состав террористического центра, который готовил и осуществил покушение на тов. Кирова?

Сокольников: Мне было известно в начале осени или в конце лета 1934 г., я точно не могу сказать, что в Ленинграде готовится покушение против Кирова. Что касается того, кто его выполняет, этого я не знал. О деталях этого дела меня не осведомили. Но в 1932 г. я слышал о составе Ленинградского центра.

Председательствующий: Значит, вы подтверждаете ваши показания, что вам известно было о существовании в Ленинграде террористического центра, и в частности, что в центр входили Левин, Котолынов, Мандельштам и другие. Это вы подтверждаете?

Сокольников: Да, подтверждаю, это мне было известно в 1932 году.

Председательствующий: Вам известно, что непосредственное руководство подготовкой террористического акта в отношении тов. Кирова осуществлял Бакаев?

Сокольников: Мне не говорилось об этом непосредственно, но то, что руко*водство подготовкой террористического* акта возложено на Бакаева, мне было известно.

Председательствующий: В какой мере вы были связаны с Рейнгольдом по его террористической деятельности?

Сокольников: Рейнгольд руководил террористическими группами в Москве. Я с ним имел встречи, но относительно его работы он мне никаких сообщений не делал. Относительно тех функций, которые на него возложены, я знал от Каменева.

Председательствующий: С вами Рейнгольд непосредственно был больше связан, чем с Каменевым?

Сокольников: Но никаких сообщений относительно своей деятельности он мне не делал.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО СЕРЕБРЯКОВА

Вышинский: Скажите, пожалуйста, когда вы возобновили свою антисоветскую преступную деятельность?

Серебряков: Осенью 1932 года. Ко мне зашел Мрачковский и информировал меня о создании троцкистско-зиновьевского блока, назвал состав этого центра и тут же сообщил, что центр решил на случай своего провала выдвинуть запасный центр.

Вышинский: Как вы отнеслись к этому предложению?

Серебряков: Для меня оно не было неожиданностью. Я хотя и отошел от контрреволюционной деятельности троцкизма, но все-таки у меня остались контрреволюционные настроения, несмотря на подачу заявления в 1929 г.

Вышинский: Когда вы подали заявление в 1929 г., вы в действительности оставались троцкистом?

Серебряков: Да, внутренне оставался троцкистом... Осенью 1933 г. я встретился с Пятаковым в Гаграх, тогда же он сказал мне, что надо принять активное участие в троцкистской работе. В частности, он ведет вредительскую работу в промышленности, и перед ним стоит также вопрос о развертывании вредительства на транспорте. Я старый транспортник, связи у меня сохранились, у меня возражений не было и эту часть работы я взял на себя. Кроме того, я взял на себя связь и руководство грузинскими делами через Мдивани.

В 1934 г. или, может быть, в конце 1933 г. по приезде в Москву я зашел в НКПС, повидал там А. М. Арнольдова. Я его знал по 1926 и 1927 г.г. Он выразил полную готовность взять на себя осуществление и руководство вредительской работой на транспорте. Там мы с ним и наметили программу этой вредительской работы. Мы с ним поставили задачу совершенно конкретную и точную: срыв перевозок, уменьшение ежесуточной погрузки методом увеличения пробега порожних вагонов, методом неувеличения заниженных уже до этого норм пробега вагонов и паровозов, путем недоиспользования тяговой силы мощности паровоза и т. д. В 1934 году, по предложению Пятакова, ко мне в Цудортранс пришел Лившиц, он был начальником Южной дороги. Я его информировал о своем разговоре с Арнольдовым. Он мне сообщил, что у него на Южной дороге имеется заместитель — Зорин и что тот сможет развернуть работу. В этом же 1934 г. я привлек к вредительской работе на транспорте начальника Томской дороги Миронова, которого я знал по НКПС в 1926—27 г.г. Он тоже дал согласие принимать участие во вредительской работе. Я имел сведения в 1934 г., что привлечен Фуфрянский, работающий в НКПС, а также Емшанов — заместитель начальника дороги Москва—Донбасс. Называлась также фамилия Князева, как члена организации.

В 1935 г., когда пришел на транспорт Л. М. Каганович и у меня возникли большие опасения о возможности провала всей группы, Арнольдов меня успокоил, что вредительская деятельность на транспорте очень хорошо замаскирована вот этими самыми «нормами», что «предельные нормы» получили, так сказать, права гражданства на транспорте. Несмотря на то, что «предельные нормы» получили право гражданства, Каганович разоблачил все это. Арнольдов проводил эту работу не только сам, а с помощью теоретиков «предельных норм», среди которых были не только члены организации. Он был с ними как-то связан, фамилии их он мне не называл.

Арнольдова Каганович снял после разоблачения предельщиков. Тогда Арнольдов сказал, что в НКПС заместителем наркома идет Лившиц, и предложил, чтобы все связи по транспорту передавались Лившицу.

Вот, примерно, кратко о вредительской работе на транспорте.

В 1934 году в Москву приехал Мдивани и выразил желание встретиться со мной и с Пятаковым. И вот в какой-то рабочий день после службы мы пошли на Тверскую улицу; там против почтамта есть какой-то ресторанчик, где и произошел разговор. Мдивани сообщил, что работа развертывается, что центр намечен, и просил нашей санкции. Мы трех человек знали — Мдивани, Кавтарадзе и Мишу Окуджава, а двух — Чихладзе и Киквадзе Нико — мы совершенно не знали — ни я, ни Пятаков. Мдивани дал нам их характеристики, как старых троцкистов и очень боевых людей, и просил некоторого доверия. Мы не возражали и этим как бы утвердили центр.

Стоял вопрос о террористическом акте против Берия, но мы с Пятаковым не рекомендовали этого делать, мы поставили вопрос так, что террористический акт против Берия может сорвать террористический акт против Сталина. Мы предложили, если есть силы, взяться за подготовку террористического акта против Сталина, не приостанавливая подготовки террористического акта против Берия.

Вышинский: Не приостанавливая?

Серебряков: Не приостанавливая. Осуществлять акт против Берия мы ни в какой мере не рекомендовали раньше, чем они осуществят террористический акт против Сталина.

Вышинский: Следовательно, я правильно понимаю, что вместо одного покушения, которое предлагал Мдивани, вы предложили два покушения?

Серебряков: Да. Когда в 1935 году я встретился опять с Пятаковым, возник вопрос о подготовке еще одного террористического акта, а именно против Ежова.

Было дано задание Мдивани поставить вопрос о возможном об'единении с дашнаками в Армении, с муссаватистами в Азербайджане и грузинскими меньшевиками в Грузии.

Вышинский: Что было реально сделано во исполнение этого решения?

Серебряков: Насчет дашнаков и муссаватистов в конце 1935 года Мдивани мне сообщил, что он нащупал только связь, а с меньшевиками он заключил соглашение. Контакт с меньшевиками у него был установлен на той основе, что Грузии предоставляется превалирующее влияние на территория Закавказья.

Вышинский: Грузия подчиняет своему влиянию Армению и Азербайджан?

Серебряков. Да. Она самостоятельное государство, играющее в Закавказьи ведущую роль.

Вышинский (к подсудимому Лившицу): Показания Серебрякова в части, касающейся связи с вами, подсудимый Лившиц, не вызывают каких-либо замечаний? Все, что говорил Серебряков, так и было?

(Продолжение см. на 3-й стр.)

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Допрос подсудимого Серебрякова

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Лившиц: Так это и было.

Председательствующий: Скажите, подсудимый Серебряков, говорил ли вам Пятаков в 1935 году о том, что необходимо расширить сеть террористических организаций на транспорте?

Серебряков: Не Пятаков, а Лившиц мне это сообщил, ссылаясь на Пятакова.

Председательствующий: При этом разговоре Лившиц указывал на особое значение вашей работы в предмобилизационный период. В своих показаниях вы говорите: «Мы с Лившицем между собой говорили и пришли к выводу, что, помимо действий организаций и в центре и на местах, которые должны вначале внести путаницу и неразбериху в работу транспорта, надо будет также обеспечить возможность в первые дни мобилизации занять наиболее важные жел.-дорожные узлы, создав в них такие пробки, которые бы привели в расстройство транспорт и снизили бы пропускную способность железнодорожных узлов». Вы подтверждаете это?

Серебряков: Да.

Председательствующий: Подсудимый Лившиц, вы подтверждаете разговор, который вел Серебряков на эту тему?

Лившиц: Разговор я подтверждаю.

Председательствующий: Подсудимый Пятаков, вы подтверждаете, что такого рода указания вы давали Лившицу?

Пятаков: Да, конечно.

Председательствующий: У защиты есть вопросы?

Защитники: Нет.

Председательствующий: Заседание закрывается. Об'является перерыв до 11 часов утра 25-го января. (ТАСС).

Утреннее заседание 25 января

Допрос свидетеля Логинова

Суд переходит к допросу свидетеля Логинова — бывшего управляющего треста «Кокс».

Вышинский: Что вам известно о троцкистской подпольной деятельности Пятакова?

Логинов: С Пятаковым я встречался в начале 1928 года. Я был исключен в это время из партии и направлен в Верхнеудинск. Я ехал вместе с Лившицем и Голубенко. В Москве мы зашли к Пятакову для того, чтобы получить указания, как нам быть. Пятаков дал нам директиву о том, что, очевидно, в ближайшее время нужно будет подать двурушническое заявление об отходе от оппозиции, чтобы вернуться в партию и тем самым получить возможность снова группировать вокруг себя троцкистские кадры и продолжать борьбу против партии.

Вышинский: Вы последовали совету Пятакова относительно подачи двурушнического заявления?

Логинов: Да. Было условлено с Пятаковым, что если борьба примет более затяжной характер, то он сам подаст заявление об отходе от оппозиции, и это должно послужить сигналом нам для подачи соответствующих заявлений на местах. Мы так и поступили, т. е. когда Пятаковым было опубликовано такого рода заявление, мы на местах—я, Голубенко и Лившиц—подали заявление о присоединении к заявлению Пятакова и были восстановлены в партии.

Вышинский (обращаясь к Пятакову): Вы подтверждаете эти показания свидетеля?

Пятаков: Двурушнических целей у меня не было, но поскольку я партии не выдал своих сообщников, скрытых троцкистов, и поскольку у меня еще оставались расхождения по внутрипартийным вопросам, в частности, по вопросу относительно репрессий в отношении оппозиции...

Вышинский: Это вы говорили.

Пятаков: В этом смысле я не договорил до конца.

Вышинский: И в этом смысле ваше поведение было двурушническим?

Пятаков: Да.

Вышинский (обращаясь к Логинову): Я хочу выяснить, был ли разговор о двурушничестве в это время или не был. Логинов, вы подтверждаете?

Логинов: Да.

Вышинский: Были ли у вас встречи с Пятаковым, когда вы находились за границей?

Логинов: Я имел там целый ряд встреч с Пятаковым. В одну из наших встреч Пятакова интересовал вопрос, каково настроение бывших троцкистов, которых знал Пятаков хорошо, таких лиц, как Копюбинский и Лившиц.

Пятаков тогда поставил передо мною вопрос о том, что нужно снова воссоздавать троцкистскую организацию. В последующую встречу Пятаков сказал, что основной формой борьбы должна быть отныне террористическая деятельность; при этом Пятаков сказал, что это не его личная точка зрения, а точка зрения Троцкого.

Вышинский: Говорил вам Пятаков, против кого направлены террористические акты?

Логинов: Да, Пятаков указывал, что террористический акт должен быть направлен в первую очередь против Сталина. В последующие встречи Пятаков сказал мне, что, исходя из указаний Троцкого, нужно внести во всю эту борьбу определенные моменты организованности. Пятаков предложил создать на Украине троцкистский центр, в который вошли бы Копюбинский, Голубенко, Лившиц и я.

Вышинский: Это было в каком году?

Логинов: Это было, примерно, летом 1931 г.

Вышинский: Встречались ли вы после 1931 г. с Пятаковым, где, когда и каковы были предметы встреч и бесед?

Логинов: После 1931 г. моя встреча с Пятаковым произошла в конце 1932 г. Я сообщил Пятакову, что украинский центр создан в том составе, какой был намечен Пятаковым, и что мы приступили уже к подпольной работе на Украине. Пятаков сказал мне тогда, что в соответствии с директивами Троцкого уже фактически осуществилось об'единение троцкистов и зиновьевцев в основном на почве террористической деятельности и что в Москве работа уже развернута достаточно широко. Предлагал и на Украине переходить от разговоров о терроре к практическим действиям.

Вышинский: А вам было известно, что Пятаков в 1932 году вновь был за границей?

Логинов: Да, это стало мне известным в 1934 году, когда я встретился с Пятаковым. Пятаков передал мне целый ряд совершенно новых установок от имени Троцкого. Он выразил недовольство тем, что вопрос о террористической борьбе по-прежнему ограничивается у нас общими фразами. Пятаков сказал, что основное внимание должно быть уделено именно террору и что один исполнитель значительно дороже ряда широких организаций. Кроме того Пятаков сказал тогда, что сейчас авторитет Центрального Комитета и доверие к его политике в стране исключительно выросли, и поэтому Троцкий очень настойчиво требует усиленно развернуть работу по дискредитации политики, проводимой Сталиным.

В начале лета 1935 года Пятаков поставил мне вопрос, подготовлены ли мы всерьез для террористической борьбы. Я указал, что да, нами—украинским центром—отобран целый ряд лиц, которые дали свое согласие быть исполнителями террористических актов. Эти лица подготовлены и ждут только сигнала со стороны центра. Пятаков сказал, что сейчас троцкистский параллельный центр подготовляет одновременный террористический удар. Он указал тогда, что надо совершенно твердо готовить террористические акты против Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, а на Украине—против Косиора и Постышева. Я ответил, что основные наши исполнители предназначены для террористических актов на Украине, кроме ряда отдельных лиц, которые предназначались для вызова в Москву.

Вышинский: Много их было?

Логинов: В Одессе под руководством Голубенко была организована группа лиц, которую возглавлял Калашников и которая подготовляла террористический акт против Сталина; в Днепропетровске возглавлял группу Жуков, подготовлявший террористический акт против Ворошилова. Во время этой же встречи Пятаков поставил вопрос, что сейчас нужно встать на путь широкой деятельности в области разрушения тяжелой промышленности.

Вышинский: Что же вам указал делать в этой области Пятаков?

Логинов: Он указал, что основное внимание должно было быть уделено химической части коксо-химической промышленности, ибо она имеет оборонное значение. Поэтому Пятаков сказал, что химию надо сорвать всеми путями. Мы встали на путь задержки строительства и пуска новых цехов химической промышленности. Вместе с управляющим трестом «Коксохиммонтаж» Яновским мы построили работу по новому строительству таким путем, что химические цеха вступали в эксплоатацию на год, на два года позже коксовых печей. Это было нами сделано в отношении Мариупольского завода. На том же заводе были пущены коксовые печи без единого обслуживающего цеха, т. е. без угольного склада, без которого совершенно невозможно давать доброкачественный кокс, без подсобных мастерских, химлабораторий и т. д.

Система вредительских мероприятий была осуществлена на Ново-Енакиевском коксо-химическом заводе и на Криворожском заводе.

Были еще аналогичные акты по Горловскому заводу. Задержано было строительство мойки на строительстве Старо-Енакиевской углеобогатительной фабрики.

Вышинский: Не было ли у вас разговора с Пятаковым о его новой поездке за границу?

Логинов: Пятаков указывал, что он в 1935 г. вновь был за границей. Он мне говорил, что получил от Троцкого подтверждение директивы о том, чтобы установить связь с иностранцами—фашистами, находящимися внутри Союза, более решительно, чем это проводилось до этого времени. При этом Пятаков мне указывал, что имеется совершенно твердая договоренность Троцкого с фашистскими организациями в Германии и договоренность с руководящими правящими кругами в Японии о совместной борьбе против Советской власти.

Вышинский: На каких условиях?

Логинов: Он сказал, что вопрос идет о больших территориальных уступках как на Востоке, так и на Украине и что мы сейчас должны будем всеми мерами содействовать поражению Советского Союза.

Вышинский: Когда он вам говорил это?

Логинов: Он говорил мне об этом в начале 1936 г.

Вышинский: О совещании в этот период Пятаков вам не говорил?

Логинов: Не говорил.

Вышинский (обращаясь к Пятакову): Вы говорили, что после получения директивы от Троцкого вы хотели собраться и обдумать, как дальше быть. Вы говорили об этом с кем-нибудь из членов центра?

Пятаков: Я говорил об этом с Радеком и Сокольниковым. Мы предполагали собрать сначала самый центр с привлечением Томского. А после центра—собрать круг людей, которые были, если можно так выразиться, областными организаторами.

Вышинский: Решая вопрос о том, что это должен быть узкий круг людей, вы исходили из остроты вопроса?

Пятаков: Это был разговор между Радеком, мной и Сокольниковым. И я и Радек понимали, что постановка такого вопроса перед активом троцкистской организации неминуемо повлечет за собой и обсуждение, и дискуссии, и, по всей вероятности, раскол: поэтому речь шла об очень узком круге людей.

Вышинский (обращаясь к Логинову): Теперь о Ратайчаке. Скажите, как вы были с ним связаны по преступной деятельности. На какой почве вы соприкасались?

Логинов: Так как Ратайчак хорошо знал коксо-химическую промышленность, я рассказывал ему, какие мероприятия мы намечали.

Вышинский: Мероприятия преступного порядка?

Логинов: Да, были общие точки соприкосновения в преступной деятельности.

Когда стал вопрос об установлении связи с фашистскими организациями, я Ратайчаку сказал, что ему надо было бы поговорить с Граше, которого я не знал лично, но слыхал о нем от Москалева.

Вышинский: Что вы говорили Ратайчаку о связи с Граше и агентами иностранной разведки?

Логинов: Я говорил, что перед нами стоит задача установления связей с иностранными разведками.

Вышинский: Как Ратайчак отнесся к вашему сообщению?

Логинов: Ратайчак в этот момент как раз искал, через кого можно было бы установить связи с иностранной разведкой, и я ему указал на Граше.

Вышинский (обращаясь к Ратайчаку): Был у вас такой разговор с Логиновым?

Ратайчак: Да, такой разговор имел место. Логинов сообщил мне, что имеет соответствующую директиву от Пятакова. Скоро от Пятакова получил директиву и я.

Вышинский: Обвиняемый Пятаков, вы подтверждаете это показание?

Пятаков: В основном подтверждаю.

Вышинский: Ссылаясь на вас, Логинов говорил, что с ним Ратайчак советовался, как найти человека, через которого можно установить связи с агентами немецкой контрразведки. Правильна ссылка Ратайчака на вас?

Пятаков: Правильна.

Вышинский (обращаясь к Логинову): Кроме этого разговора с Ратайчаком, у вас были еще беседы по поводу конкретных преступных действий?

Логинов: С Ратайчаком у меня был еще разговор относительно вредительской работы в коксохимии.

Вышинский: Известно ли вам что-либо о преступной деятельности Лившица?

Логинов: Вернувшись из Берлина в 1931 году в конце лета или в начале осени, я встретился с Лившицем и передал полученные мною в Берлине от Пятакова директивы. Я сообщил Лившицу о создании Пятаковым украинской троцкистской организации, куда входил также и Лившиц.

В 1932 и 1933 гг. в троцкистском подполье на Украине нам пришлось с Лившицем проводить совместную работу. Мне было известно о той работе, какую Лившиц начал проводить в Харькове на железной дороге. Известны были те лица, которые были вовлечены Лившицем в состав троцкистской подпольной организации. Лившиц разделял позиции террористические. Уехал он с Украины в 1933 г.—тогда, когда к практической деятельности по террору мы еще не приступили. Снова встретился с Лившицем в начале 1936 г. и узнал от него, что он довольно успешно работает на железной дороге, что он связан не только с теми лицами, каких я знал по Украине, но что у него есть целый ряд связей с другими лицами.

Вышинский (обращаясь к Лившицу): Вы не имеете никаких замечаний по поводу показаний свидетеля Логинова?

Лившиц: Нет.

Председательствующий: У защиты есть вопросы к свидетелю?

Коммодов (обращаясь к Логинову): К какому году относится ваш разговор с Ратайчаком относительно Граше?

Логинов: Ко второй половине 1934 года.

Коммодов: Вредительские акты, о которых вы говорили, в частности на Горловском заводе, предшествовали этому разговору?

Логинов: Это было в 1935 году.

Вышинский (обращаясь к Ратайчаку): После разговора с Логиновым вы потом связались с Граше?

Ратайчак: Да.

Вышинский: Следовательно, оправдалось то, что Граше может связаться с агентами германской разведки?

Ратайчак: Оправдалось.

Председательствующий: У подсудимых нет вопросов?

Подсудимые: Нет.

Допрос подсудимого Богуславского

Председательствующий: Подсудимый Богуславский, вы подтверждаете свои показания, которые давали на предварительном следствии?

Богуславский: Да, подтверждаю.

Вышинский: Расскажите, в чем выражалась ваша преступная троцкистская деятельность в Сибири?

Богуславский: В Сибири моя деятельность началась с начала февраля 1928 г., когда я приехал туда после исключения меня XV с'ездом из партии. В Новосибирске, куда я приехал для работы, находилось несколько активных, видных в прошлом, троцкистов. Там были: Муралов, Кроль, Сумецкий, Сурнов. Кроме того, в Барнауле был Сосновский, в Минусинске был Смилга и скоро в Томск приехал Радек.

В конце февраля 1928 г. я получил через Сосновского директиву Троцкого о создании Сибирского троцкистского подпольного центра. Задачи, которые ставились тогда этому центру, сводились, во-первых, к тому, чтобы максимально сохранить в Сибири те кадры троцкистов, которые не были подвергнуты государственным репрессиям или репрессиям партийного порядка—исключению и т. д. Во-вторых, к об'единению и направлению подпольной деятельности находящихся в разных местах Сибири троцкистов. В-третьих, к распространению, в первую очередь по районам сосредоточения ссыльных троцкистов, подпольных документов и, наконец, последнее — к организации материальной помощи троцкистам, которые находились в Сибири в ссылке.

Этот центр был организован в следующем составе: руководитель центра — Муралов Н. И., я — Богуславский, Сумецкий, Кроль, Сурнов, Сосновский, Белобородов, а затем по приезде и Радек.

Вышинский: Радеку об'явили об этом?

Богуславский: Да, об'явили. При чем вопросы текущего непринципиального характера разрешались тем составом центра, который постоянно находился в Новосибирске, а вопросы принципиального характера разрешались, согласовывая их тем или иным способом с теми членами центра, которые находились вне Новосибирска, в других районах Сибири.

Отвечая на вопросы государственного обвинителя, с кем в Москве был связан Сибирский центр, Богуславский показывает, что в 1928 году с Эльциным, в 1930—31 и 32 г.г. — со Смирновым.

Вышинский: Когда и где вы встречались с Пятаковым?

Богуславский: В начале 1932 года, месяца не помню, видимо в феврале, в Наркомтяжпроме, в кабинете Пятакова.

Вышинский: В последующие годы встречи были?

Богуславский: Были.

Вышинский: Когда и где?

Богуславский: В 1933 году — там же, в Наркомтяжпроме, в 1934 году — на квартире у Пятакова.

Вышинский: Не можете ли вы припомнить, о чем вы с ним говорили в 1932—1933 и 1934 г.г.?

Богуславский: В 1932 году Пятаков информировал меня о свидании, которое имело место в Берлине между Пятаковым, Смирновым и Шестовым — с одной стороны, и Седовым — с другой. Он сказал мне о том, что во время этих встреч была получена директива Троцкого, которая ставит на иные рельсы работу троцкистов, а именно: основным методом работы становится террор, т. е. осуществление террористических актов против руководителей партии и правительства, а затем, как он тогда мне сказал, задача заключается в том, чтобы чинить всяческие затруднения в хозяйственной работе Советского Союза.

Это указание Пятакова в отношении террора меня не очень удивило, ибо я об этом знал со слов И. Н. Смирнова, в конце 1931 года. Тут я должен сказать о создании нового Сибирского центра. Это совпадало с 1932 годом.

Вышинский: В чем было дело?

Богуславский: Произошло это вот в связи с чем. В 1929 году Смирнов передал нам директиву Троцкого о том, чтобы, не складывая оружия, не разоружаясь идейно, разоружаться организационно, заявлять о прекращении фракционной работы, возвращаться в партию, при чем, насколько можно, в своих заявлениях сохранить кое-какой идейный багаж из старого троцкистского арсенала, что мы с И. Н. Смирновым и сделали. В связи с новой директивой Троцкого, о которой я говорю и которую мне передал в части террора Смирнов, а в другой части Пятаков, встал вопрос о воссоздании в том или ином виде троцкистского Сибирского центра. Смирнов прямо сказал, что этот центр должен состоять из руководителя Муралова Н. И., меня—Богуславского и Сумецкого, которые все были членами старого троцкистского центра, благодаря чему сохранялась преемственность в работе.

Позднее, в 1934 году, в состав Сибирского центра был введен также и Дробнис.

Работа в 1932 году, главным образом, сводилась к налаживанию растерянных связей и подготовке к организации террористических актов. При чем непосредственное руководство террористической работой принял на себя руководитель центра Муралов.

Одновременно я лично нащупывал возможность проведения в жизнь второй части директивы о создании так называемых затруднений в проведении хозяйственной политики советского правительства и партии. Я был связан по своей работе с хозяйственными кругами Сибири, и эта работа была возложена на меня.

Тогда в разгаре было строительство Кузнецкого металлургического завода. Поэтому в промышленности вредительская работа должна была проводиться по линии Кузбасса и затем, одновременно с этим,— на транспорте.

Давая мне директиву о создании затруднений в хозяйственной политике партии и правительства Пятаков сказал, что в Кузбассе работает Шестов, человек ему известный, и что этот Шестов имеет директиву приступить к осуществлению вредительских действий в Кузбассе, в угольной промышленности и на важнейших стройках.

По возвращении в Новосибирск, я о своем разговоре рассказал Муралову. Он подтвердил, что действительно имеет директивы, и предложил заняться проведением вредительской работы на транспорте. Я тогда же приступил к этой работе. В том же 1932 году мне стало известно от Муралова о том, что в Новосибирске организована террористическая группа под руководством Ходоразе, при чем эта террористическая группа имеет задание от него, Муралова, подготовить и, когда ей будет указано, совершить покушение на секретаря Западно-Сибирского краевого комитета партии Эйхе. Кроме той террористической группы, о которой я упоминал, группы Ходоразе, в 1933 г. Муралов сообщил, что создана террористическая группа в Кузбассе, имеющая задачей подготовить покушение на руководителей партии, которые бывают в Кузбассе. Муралов сообщил мне также, что руководитель первой группы Ходоразе командировал одного из участников этой группы Николая Иванова в Москву для совершения убийства Сталина. В 1933 году мною были созданы троцкистские ячейки на Омской дороге.

Вышинский: Конкретно, для каких целей?

Богуславский: По проведению всех мероприятий, намеченных по транспорту. В конце 1933 г. я имел разговор с руководителем этой организации на Омской дороге Финашиным, который мне сообщил, что работа поставлена в нескольких депо Омской дороги, при чем главное внимание направлено на паровозное хозяйство. Что же касается Томской дороги, то там была организована группа в 1933 г. — руководитель Обертаддер, Житков — руководитель локомотивного отдела паровозной службы Томской дороги и Эйдман — главный инженер. Оберталлер сообщил, что на Томской дороге также поставлено вредительство.

Вышинский: Кто такой Оберталлер?

Богуславский: Он был начальником строительства дороги. Оберталлер назвал мне депо, где были созданы низовые ячейки троцкистов и где, опять-таки, вредительская работа направлена, главным образом, на паровозное хозяйство.

В 1934 г. работа Сибирского центра и в частности моя работа переходит на новые рельсы. В 1934 г. я имею вторую встречу с Пятаковым, при чем эта встреча была на квартире у Пятакова. Найдя работу нашу совершенно неудовлетворительной, Пятаков поставил уже задачи, которые хотя были не новы, но звучали по-новому. В 1934 г. впервые в нашем лексиконе появляется громко сказанное слово—«вредительство». В ответ на мои якобы некоторые упадочнические настроения, которые были вызваны арестом Смирнова И. Н. и целого ряда лиц в 1933 г. (а этот разговор был в начале 1934 г.), Пятаков сказал:

Надо развернуть работу, тем более, что от Троцкого имеются письма, директивы. Он обвиняет нас в ничегонеделании, граничащем, как он тогда говорил, с саботажем его, Троцкого, директив.

Вышинский: Вы делали что-нибудь по этим директивам в 1934 г.?

Богуславский: По отдельным встречам, которые у меня были с членами центра Мураловым и Сумецким, я знал о том, что Дробнис осуществил связь с Норкиным, что привлечена довольно значительная группа инженерно-технического персонала и что там работа эта развернута.

Что касается работы на транспорте, которой руководил я сам, то в 1934 году значительно увеличивается количество аварий на железной дороге, которые осуществлял Житков. В 1934 году значительно увеличивается количество и процент выхода из строя паровозов. И, наконец, в 1934 году осуществляется особенно значительно вредительская работа на строительстве новых железных дорог, в частности, на дороге Эйхе—Сокол.

В 1934 году мне стало известным, что кроме тех террористических групп, о которых я говорил, группы Ходоразе и Шестова, Муралов поручил директору одного из совхозов Кудряшеву совершить террористический акт против председателя Совнаркома Молотова, приезд которого ожидался в Сибирь, и в частности в этот совхоз. Об этом мне сказал Муралов.

Вышинский: Кто готовил этот террористический акт?

Богуславский: Кудряшев, по поручению Муралова.

Вышинский (обращаясь к Муралову): Обвиняемый Муралов, было такое дело?

Муралов: Поручение было дано не Кудряшеву, а Шестову и Ходоразе.

Вышинский (обращаясь к Шестову): Вы подтверждаете доказание Муралова, что он вам поручил организовать покушение на товарища Молотова?

Шестов: Да, подтверждаю.

Вышинский (обращаясь к Богуславскому): Обвиняемый Богуславский, раз'ясните.

Богуславский: Подготовка террористических актов велась таким образом, чтобы они не были сосредоточены в одном месте. Шестову поручено было организовать террористический акт против Молотова, если он приедет в Кузбасс, что и было сделано обвиняемым Арнольдом. Но параллельно это же было поручено Кудряшеву. Я это утверждаю, об этом мне сказал сам Кудряшев. Организация Шестовым террористических групп таким образом, чтобы они могли осуществить террористический акт в любом месте Кузбасса, не исключает подготовки этого акта в совхозе...

Вышинский: От кого Кудряшев получил такое задание?

Богуславский: От Муралова.

Вышинский: О подготовке покушения на Молотова Шестовым вам было известно от кого?

Богуславский: От Муралова.

Вышинский: На кого готовил покушение Житков?

Богуславский: Это было покушение, которое подготавливал Житков против Кагановича, но это было позже, это было в 1935 году.

Вышинский: А против тов. Кагановича еще кто-нибудь готовил покушение, кроме Житкова?

Богуславский: Да. Шестов. Он готовил группы, которые должны были действовать, если кто-нибудь из членов Правительства, в том числе и Каганович, приехали бы в Сибирь.

Вышинский: А известно вам, что Бермант готовил покушение?

Богуславский: Да. Но Бермант был здесь, в Москве.

Вышинский: Отвечайте, Бермант готовил или не готовил террористический акт?

Богуславский: Готовил.

Вышинский: Это вам известно было от кого?

Богуславский: От самого Берманта.

Из дальнейших ответов Богуславского на вопросы государственного обвинителя выясняется, что он знал Берманта с 1928 года как члена подпольной троцкистской организации.

Вышинский: Вам Бермант был известен с 1928 года как член троцкистской подпольной организации. Вам известно было, что у Берманта хранилось оружие?

Богуславский: Он мне об этом сообщил.

Вышинский: А не было ли разговора, чтобы он переправил это оружие к вам в Сибирь?

Богуславский: Было специальное указание о том, чтобы он переправил это оружие в Западную Сибирь. И он повез это оружие, но был арестован, и оружие было отобрано в августе 1936 г. А предложение я ему сделал в июле 1936 года.

Вышинский: Почему вы на допросе об этом скрывали и не говорили?

Богуславский: Я не скрывал. Это в моих показаниях имеется.

Вышинский: Вы сразу стали давать откровенные показания?

Богуславский: Нет, не сразу, но скоро.

Вышинский: Сначала вы не давали никаких показаний, потом стали давать. Может быть это об'ясняется какими-нибудь специфическими условиями вашего содержания под стражей, может быть на вас было оказано какое-нибудь давление?

Богуславский: Нет.

Вышинский: Может быть вам было просто предложено давать те показания, какие вы дали дальше, обусловив это облегчением вашей участи?

Богуславский: Нет.

Вышинский: Следовательно, вы совершенно добровольно, искренне стали давать эти показания по своим внутренним личным убеждениям?

Богуславский: Совершенно верно, и, если мне будет разрешено судом, я хочу изложить эти мотивы.

Вышинский: Какие мотивы вас, Богуславского, старого троцкиста, десяток лет отдавшего борьбе на троцкистских позициях против партии, против Советской власти, до самого дня ареста эту свою антисоветскую троцкистскую деятельность проводившего, какие мотивы заставили вас говорить то, что вы говорите, разоблачать людей, разоружаться и т. д. Что вас к этому привело?

Богуславский: Что меня привело к этому? Я здесь перед судом должен прямо сказать, что в последние годы, я хочу сказать, что в 1934, 35, 36 г.г., меня не только смущало, но очень тяготило то преступное положение, в котором я находился.

В связи с этим, я хочу указать на ту совершенно нетерпимую и невероятную гниль внутри троцкистской организации, которой я не мог не чувствовать на каждом шагу. Признаюсь, что очень многое для меня стало ясным только на самом процессе и раньше мне было совершенно неизвестно. Я не могу не признаться перед судом, какое гадливое, омерзительное чувство мною овладело, когда Радек рассказывал здесь о том, что еще не успел оформиться блок с зиновьевцами, а уже начались разговоры о том, как бы кто-нибудь кого-нибудь не об'егорил в этом блоке...

Второе это то, что мы, ведя работу на месте, абсолютно не знали, что за нашими спинами проводится распродажа иностранному капиталу нашей страны. Отчасти я узнал об этом, когда мне было вручено обвинительное заключение. Но для меня все стало ясно лишь здесь, когда я слушал показания Пятакова и Радека.

Вышинский: От вас Пятаков и Радек скрывали?

Богуславский: Они же здесь показали, что последнюю директиву Троцкого конца 1935 года в особенности скрывали и никому о ней не говорили, в том числе и мне.

Конечно и без этого я обязан был понимать, хотя бы то, что понимает каждый рабочий и колхозник в нашей стране, куда это ведет. Мы, стоя на точке зрения невозможности построения социализма в одной стране, вступая на путь террора и вредительства, должны были себе отдавать отчет в том, что же мы собираемся строить, если не социализм. Ведь есть социализм и капитализм.

Вышинский: Но это вы когда поняли?

Богуславский: Да, правильно, я об этом и говорю. Когда меня арестовали, я чувствовал себя в положении человека, который ходит у глубокой пропасти и знает, что он должен в нее упасть. В течение 8-ми дней, до моих первых показаний, для меня уже было совершенно ясно, что пора кончать. Конечно, я это понял слишком поздно... Ведь на самом деле отвратительно все, что мы делали, начиная с этой отвратительной диверсантской работы. Говорят, «рыба воняет с головы» и эту голову мы должны были отсечь, но мы этого не сделали. И мы проводили вредительские действия, диверсионные акты, в целях обеспечения поражения нашего Союза. Я совершил преступление.

Допрос подсудимого Дробниса

Председательствующий: Подсудимый Дробнис, вы подтверждаете те показания, которые вы давали на предварительном следствии и Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР в Новосибирске?

Дробнис: Да.

Вышинский: Вы подтверждаете показания Богуславского о том, что вы были членом Западно-Сибирского троцкистского центра?

Дробнис: С конца июля 1934 г. На меня было возложено руководство всей вредительской и диверсионной работой по всему Кузбассу.

Вышинский: А до этого вы принимали какое-нибудь участие в подпольной троцкистской преступной деятельности после 1927 г.?

Дробнис: После возвращения моего в партию в 1929 г. троцкистская деятельность моя возобновилась в начале 1932 г. У меня был ряд сомнений, которые послужили источником дальнейшей моей преступной деятельности. Зная о моих настроениях, И. Н. Смирнов беседовал со мной о необходимости возобновления троцкистской контрреволюционной работы, о новых директивах Троцкого о переходе к тактике террора. Я эту установку Смирнова принял.

Смирнов сказал, что мне нужно связаться с Пятаковым, который несколько подробнее меня информирует. Так как в 1932 г. я уехал в длительную командировку, с Пятаковым связался только в феврале 1933 г.

В Средней Азии, куда я ехал на работу, я по указанию Пятакова связался со Смилгой и Сафоновой, при чем Смилга, информируя меня, сказал, что дело заключается в том, чтобы организовать и развернуть террористические группы для того, чтобы можно было их импортировать в Москву в случае, если этого потребует центр.

Я прожил в Средней Азии весь 1933 год и в мае 1934 года оттуда уехал, потому что было решение троцкистского центра пере-

(Продолжение см. на 4-й стр.)

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Допрос подсудимого Дробниса

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

бросить меня в Западную Сибирь. Так как Пятаков располагал возможностью перебросить меня по линии промышленности,—эта задача разрешалась вполне легко.

Вышинский: Значит, Пятаков использовал свое служебное положение и перебрасывал вас, куда это ему было надо?

Дробнис: Ну, конечно, само собой понятно. В 1934 году, перед тем, как отправиться в Западную Сибирь, я имел беседу с Пятаковым у него в кабинете. Пятаков мне подчеркнул и подтвердил необходимость моей поездки в Западную Сибирь для того, чтобы укрепить там троцкистскую контрреволюционную деятельность, и вместе с тем выдвинул совершенно новую задачу: не только террор, но и диверсия, и вредительство. Он повторил, что надо действовать энергично и настойчиво, не останавливаясь ни перед какими средствами. Все средства необходимы и хороши, это директива Троцкого, которую разделяет троцкистский центр.

Пятаков сказал также, что необходимо привлечь к этой работе и специалистов из числа бывших вредителей и тех, кто контрреволюционно настроен, и что мне необходимо в Западной Сибири связаться с Шестовым, Леоновым и Владимиром Косиором.

Пятаков мотивировал необходимость диверсионной и вредительской работы исключительно внутренними соображениями. Он мне ни тогда, ни после, при нашей вторичной встрече, ни слова не сказал о новых установках и о договорах со всякими *иностранными государствами, которые* ведет Троцкий, и на что он получает визу от центра. Он мне ни слова не сказал об *имеющихся соглашениях* и *сговорах* насчет раздела страны и пр. и т. д.

Мне было указано о необходимости связаться с Западно-Сибирским центром, и я по дороге в Кемерово, куда был назначен заместителем начальника Кемеровокомбинатстроя, имел беседу с руководителем Западно-Сибирского центра Мураловым. Муралов мне сказал, что он сам непосредственно руководит террористической работой, что созданы группы Ходорадзе, Шестова и др., что имеются террористические группы в Томске, главным образом в ВУЗ'ах. Муралов также сказал, что он непосредственно руководит и вредительской работой в сельском хозяйстве по Западной Сибири, при чем одним из его ближайших сотрудников является Меерченко, что работой по вредительству на транспорте ведает Богуславский, а мне надо будет обратить внимание на работу в Кузбассе.

Я задал вопрос Муралову: каково отношение к этому центру Раковского? Муралов ответил, что Раковский до момента своего отхода, не являясь членом Западно-Сибирского центра, однако, был непосредственно связан с ним и был прекрасно информирован о новой тактике, о новых директивах Троцкого относительно террора и диверсии.

Вышинский: В Кемерово вы связались с местными троцкистами?

Дробнис: В Кемерово я стремился заслужить доверие партийных и советских организаций, чтобы уменьшить подозрительное и недоверчивое отношение к себе и потом начать вербовать людей. В марте 1935 года я был вызван к Пятакову, чтобы проинформировать его о моей вредительской, диверсионной работе в Кузбассе и особенно на Кемеровском химическом комбинате. Пятаков сообщил мне, что на Кемеровском химкомбинате по его поручению развернул уже довольно серьезную вредительскую работу начальник *строительства* комбината Норкин и что этой работой занимается главный инженер Карцев. В этой же беседе Пятаков сказал, что Троцкий требует наиболее энергичной наступательной работы, при чем он подчеркнул, что *не надо стесняться средствами.*

Я вернулся обратно в Кемерово, *связался с Норкиным, и мы развернули работу.* Норкин мне сказал, что у него имеется, хотя и не писанный, план вредительской работы. *Я против этого плана не возражал*, тем более, что этот план в некоторых частях в значительной мере был *выполнен.*

Вышинский: Как вы узнали об этом плане, в чем он заключался?

Дробнис: *План этот, разработанный* Норкиным, был согласован с Пятаковым. Одна из вредительских задач в плане—это распыление средств по второстепенным мероприятиям. Второе—это торможение строительства в таком направлении, чтобы важные об'екты не ввести в эксплоатацию в сроки, указанные правительством.

Вышинский: Главным образом, по предприятиям оборонного значения?

Дробнис: Да. Далее частые перепроектировки, задержка расчетов с проектирующими организациями, из-за чего проекты получались очень поздно. Это, само собой понятно, задерживало темпы и ход строительства.

В действующих предприятиях по коксохимическому заводу сознательно был допущен ряд недоделок, которые очень серьезно отражались на работе завода, понижали качество продукции, давали кокс очень высокой влажности и зольности. Несмотря на то, что рабочие коксо-химического завода стремились улучшить работу, им это не удавалось вследствие вредительства, которое там проводилось.

Кроме того организовывались и аварии. Имели место две аварии очень серьезного характера. Правда, без смертных случаев, но рабочие получили серьезные повреждения.

Вышинский: Дальше?

Дробнис: По указанию центра мне также надо было связаться с Шестовым. Шестов приехал ко мне в Кемерово осенью 1935 года. При этой встрече Шестов рассказал, какие у него намечены мероприятия, главным образом, по срыву шахтостроения, снижению добычи угля и ряду других мероприятий. Он мне посоветовал, чтобы я использовал на Кемеровском руднике бывшего вредителя Пешехонова для вредительской работы.

Шестов, очевидно, не мог охватить Кемеровского рудника. Поэтому мне пришлось непосредственно заняться этим делом. Мне удалось получить связи с заместителем начальника, а потом начальником шахты «Центральная» Носковым, с Шубиным, Куровым и при их помощи провести вредительскую работу.

Вышинский: Носков, Шубин и Куров—это все те, которые судились по кемеровскому процессу?

Дробнис: Да. *В одной беседе* Носков заявил мне о том, что Пешехонов ему сказал, что он привлек в организацию для *вредительской работы немецкого инженера* Штиклинга.

Вышинский: Тот самый Штиклинг, *который проходил по кемеровскому делу?*

Дробнис: Да. Я ответил Носкову: это хорошо. Таким образом, была развернута работа и на Кемеровском руднике. В июле 1935 года Носков докладывал мне о том, что им подготовлен взрыв шахты «Центральная», которой он руководил. Я это одобрил.

Вышинский: А вы обсуждали вопрос о том, в каких условиях этот взрыв должен произойти?

Дробнис: Носков сказал, что такое вредительское мероприятие, как загазирование шахт, связано со взрывом и влечет за собою человеческие жертвы. Я сказал: что же, надо и на это пойти. Это будет даже хорошо, ибо вызовет озлобление рабочих и даст возможность привлечь их симпатии на нашу сторону.

Вышинский: Вы, значит, не только одобрили этот план Носкова — взрывать шахту, но дали также санкцию на то, чтобы это было произведено в условиях прямой гибели рабочих?

Дробнис: Я спрашивал у Носкова — можно ли произвести такой вредительский акт *без жертв? Он мне сказал*, что это исключено. Я после этого сказал, что тут миндальничать нечего, на это надо пойти.

Вышинский: *Как вы об'яснили это?*

Дробнис: Я говорю, что... что надо... я уже говорил о том, что надо пойти и на это, что это даже... и если даже это вызовет жертвы, это в свою очередь вызовет озлобление рабочих и тут будет польза нам.

Вышинский: Но это же не то, что вы пытались здесь утверждать. Вы здесь говорили что спрашивали Носкова: нельзя ли без жертв обойтись? По вашим словам выходит, что вы не только не хотели жертв, но, наоборот, вы считали, что чем больше будет жертв, тем лучше будет для вас.

Дробнис: Да, ну так, примерно...

Вышинский: Ну я понимаю, что об этом неловко вам, конечно, говорить здесь перед народом, говорить такие вещи неловко, но надо говорить. Тут ничего не поделаешь. Вы говорили о том, что смущаться этим нечего?

Дробнис: Говорил.

Вышинский: А это означает, что если погибнут при этом рабочие, пускай погибнут. Вы подбадривали Носкова?

Дробнис: Да.

Вышинский: Насчет убийств рабочих подбадривали и даже говорили, что чем больше убийств, то будет лучше? Так я понимаю вас?

Дробнис: Да.

Вышинский: Потом этот взрыв был произведен?

Дробнис: Я был арестован 6 августа, а взрыв был 23 сентября.

Вышинский: А санкцию на взрыв вы дали?

Дробнис: Санкцию я дал в конце или середине июля.

Вышинский: Следовательно, ваш арест не помешал осуществлению взрыва потому, что оставался на шахте Носков?

Дробнис: Да.

Вышинский: А можно было помешать?

Дробнис: Помешать? Конечно, можно *было.*

Вышинский: Кто мог помешать?

Дробнис: Я мог помешать.

Вышинский: *Не помешали?*

Дробнис: Не помешал.

Вышинский: Взорвали?

Дробнис: Да.

Вышинский: Хотя сидели, но взрыв произошел?

Дробнис: Да.

Председательствующий: Подсудимый Дробнис, а какие вы давали советы Носкову относительно вопросов, если бы все выяснилось, на кого нужно было свалить эти диверсионные, вредительские акты?

Дробнис: Свалить всю вину на беспартийных специалистов.

Председательствующий: Хотя бы ни к чему не причастных?

Дробнис: Ну, само собой понятно.

(ТАСС).

Дневник вечернего заседания 25 января

Вечернее заседание начинается с допроса подсудимого Муралова. По предложению *государственного обвинителя* он показывает о своем участии в подпольном контрреволюционном троцкистском центре в *Западной Сибири.*

Начало этой своей работы Муралов относит к 1928 году, ко времени своего приезда *в Новосибирск.* Задачей *западно-сибирского* троцкистского центра было об'единение распыленных в Сибири троцкистских *«кадров» для борьбы с советской* властью, вредительство и террор. Муралов при распределении обязанностей в *западно-сибирском троцкистском центре взял на себя* роль руководителя террором.

В 1932 году Шестов привез Муралову письмо от Троцкого, полученное через Седова. *Это было «беллетристическое» письмо*, которое Муралов, однако, расшифровал антипирином. После расшифровки *оказалось, что письмо содержит директивы о* терроре.

После этого Муралов, тоже в 1932 г., *получил еще одно письмо от Троцкого*, встречался в разное время со Смирновым и Пятаковым, узнал о существовании об'единенного *центра и параллельного*, а также о существовании центра правых в лице Томского, Рыкова и Бухарина.

— *Я удивился этому*,—говорит Муралов.—Я знал, что они трусливые люди. Но *Пятаков сказал мне, что теперь правые* уже не те, что были. Они изменились.

Далее подсудимый рассказывает, как *было совершено покушение на тов.* Молотова. Поручение организовать покушение было дано Шестову, который заявил, что у него есть для этого подходящий человек—шофер.—Однако, — спешит Муралов,—ни этот, ни другие террористические акты не состоялись.

Вышинский: Акты не удались?

Муралов: Не удались.

Вышинский: Вы отказались от актов или они не удались?

Муралов: Не удались...

Тов. Вышинский предлагает подсудимому рассказать, каким образом должно было быть совершено покушение на тов. Молотова. Подсудимый Муралов явно не хочет распространяться на эту «неудобную» тему. Он в нескольких словах, скороговоркой, нехотя говорит о том, что террористический акт должен был быть проведен путем организации катастрофы с автомобилем, в котором ехал тов. Молотов. Машина должна была на ходу с'ехать в «канавку», но в последний момент шофер не решился пожертвовать своей жизнью и сохранил поэтому жизнь Молотову.

Государственный обвинитель обращается к Шестову.

Вышинский: Вы подтверждаете то, что показал Муралов об автомобильной катастрофе?

Шестов: Подтверждаю. Только есть неточности.

Вышинский: Какие?

Шестов приводит подробную картину подготовки покушения на тов. Молотова.

Дело, оказывается, не в «канавке». Автомобиль должен был на полном ходу слететь (в условленном месте у шахты № 5, в Прокопьевске) в овраг глубиной в 15 метров. На случай, если бы шофер в последнюю минуту «сдрейфил» и не решился свернуть в овраг, была подготовлена встречная грузовая машина, которая должна была с ходу ударить по машине с тов. Молотовым и скинуть ее в овраг... Шофер Арнольд, сидящий в зале на скамье подсудимых,—не «сдрейфил», а действительно повернул руль влево, так что шофер грузовой машины пронесся мимо, считая, что «все обстоит благополучно», но самый поворот руля влево не оказался достаточно «активным». Машина хотя и скатилась вниз и перевернулась, но все остались живы.

Опрошенный тут же подсудимый Арнольд подтверждает факт покушения на тов. Молотова, у него есть только замечания и расхождения с Шестовым «по техническому оформлению»...

Вышинский: Но по существу факт был?

Арнольд: Был.

Из дальнейших показаний Муралова и перекрестных вопросов Муралову и Шестову выясняется, что западно-сибирский троцкистский центр готовил еще покушения на т. т. Эйхе и Орджоникидзе и что Муралов был в курсе всех вредительских и диверсионных актов в промышленности и на транспорте в Сибири.

Когда перед судом прошла вся картина гнусных преступлений Муралова, тов. Вышинский спросил его:

— Что привело вас на этот путь?

Муралов: Грехопадение мое началось с 1923 г., с момента подписания письма «46». Несогласие с большинством партии. Затем озлобление за репрессии.

Государственный обвинитель спрашивает тогда, почему Муралов, боровшийся с 1923 г. с партией, решился все же дать правдивые показания и почему он 8 месяцев после ареста молчал, отрицая все.

Муралов *об'ясняет и то и другое очень* подробно. Он молчал по двум причинам: был озлоблен, что его посадили в тюрьму, был *лично дружески связан с* Троцким, морально не считал возможным изменять Троцкому.

Заговорил же он наконец и решил раскрыться потому, что понял, что он ходом событий превращается в знамя контрреволюции, *а перспектив для борьбы с советской властью — никаких...*

— Если я останусь дальше так, — *заявляет Муралов, — я могу стать знаменем* контрреволюции. Это меня страшно испугало. В то время на моих глазах росли кадры, *промышленность, народное хозяйство...* Я не слепец и не такой фанатик. И я сказал себе, чуть-ли не на восьмом месяце, что надо подчиниться *интересам* того государства, за которое я боролся в течение 23 лет, за которое сражался активно в трех революциях, когда десятки раз моя жизнь висела на волоске.

Следующим допрашивается подсудимый Шестов. Он показывает:

Троцкист с 1923 г. На двурушнический путь вступил еще в 1927 г., когда ложно заявил своей партийной организации об отходе от троцкизма. Руководил подпольной троцкистской типографией, печатавшей контрреволюционные листовки. Распространял их. В 1926 г. имел несколько личных встреч с Троцким. Встречался также с Пятаковым на конспиративных троцкистских собраниях в Москве.

В мае 1931 г. с помощью Пятакова поехал в Берлин с группой работников, которую возглавлял Пятаков. Шестов работал тогда в «Востокугле».

В Берлине Шестов встретился три раза с Седовым, который познакомил его с «новейшим курсом» Троцкого, встречался со Смирновым и с Пятаковым. Там же в Берлине была выработана программа будущих практических действий Шестова по осуществлению «новейшего курса» Троцкого: убийство Эйхе, вредительства и диверсии в Кузбассе. Наконец, в Германии во время этой же командировки Шестов связался через посредство Седова с фирмой «Фрейлих - Клюпфель - Дейльман» и обязался систематически выполнять по указанию директора фирмы шпионские и диверсантские задания и принимать на работу приезжих германских шпионов, за что в свою очередь фирма обязалась помогать по части связей троцкистов в СССР с Седовым.

Вернувшись в СССР, Шестов тут же приступил к указанной работе и продолжал ее *до момента ареста.* Его верным помощником оказался завербованный им для троцкистской деятельности главный инженер Кузбасса *Строилов, о котором* Шестову еще в Берлине стало известно, что он связан с германской разведкой.

Строилов *связал его с присланными* из Германии германскими агентами разведки и диверсантами, работавшими под видом специалистов *в Кузбассе — с Шебесто*, Флореном, Каном, Штейном, Баумгартнером, Зомерегером.

Развертывается потрясающая картина содеянных Шестовым совместно с германскими агентами неслыханных преступлений против страны Советов, против рабочих-шахтеров Кузбасса. 60 подземных пожаров в шахтах, пожары на электростанциях, взрывы, многочисленные человеческие жертвы, миллионные убытки...

Тов. Вышинский спрашивает Шестова:

— Скажите, подсудимый, не было ли в ряде многочисленных ваших преступлений прямых уголовных преступлений—убийств, грабежей?

Шестов: Были.

И опять следуют потрясающие показания. Убил честного инженера Бояршинова, пришедшего к нему, как к ответственному и авторитетному руководителю, с предупреждением, что, по его мнению, на шахтах творится что-то неладное, проводится вредительская работа. Шестов сказал инж. Бояршинову: «Спасибо, я приму меры», и тут же вызвал троцкиста Черепухина и приказал убить Бояршинова, что тот и выполнил. Ограбил Анжеро-Судженский банк и награбленные деньги — 164 тыс. рублей — распределил между террористическими группами.

На этих чудовищных показаниях старого троцкиста, шпиона, диверсанта, убийцы, грабителя Шестова заканчивается вечернее заседание.

ТРОЦКИСТЫ— НА СЛУЖБЕ У ФРАНКО

(По телефону от специального корреспондента «Правды»)

МАДРИД, 25 января. Сегодня ряд мадридских вечерних газет дает информацию о процессе троцкистов-контрреволюционеров в Москве. Газета «Мундо обреро» печатает две статьи. Одна, посвященная процессу, подчеркивает роль троцкистов, как помощников гитлеровского фашизма в подготовляемом им нападении на Советский Союз, и сравнивает их роль с ролью испанских фашистов, которые тоже являются агентами германского и итальянского фашизма.

В другой статье, озаглавленной «Троцкизм на службе у Франко», «Мундо обреро» указывает на предательскую контрреволюционную роль организации испанских троцкистов—«ПОУМ». «Мундо обреро» приводит заявления испанских троцкистов по поводу недавно состоявшегося с'езда испанской молодежи. В своих листках и по радио (троцкисты имеют нелегально работающую радиостанцию) агенты Троцкого называют испанский с'езд молодежи «с'ездом предателей». Эти провокаторы осмеливаются так называть героическую испанскую молодежь, которая сражается на фронтах и своими молодыми жизнями защищает свободу и независимость своей родины от фашистской реакции и иностранных интервентов.

«Мундо обреро» требует решительных мер против разнузданной провокационной работы врагов испанского народа.

МИХ. КОЛЬЦОВ.

Смерть подлецам!

И вот они стоят перед судом,
Как воплощенье подлости и злости,
Бесславной банды мерзкое охвостье,
Изгои в нашем мире молодом.

Вот все они:—лакеи генералов,
Шпики по крови и друзья шпиков —
Серебряков, Сокольников, Муралов,
Двуличный Радек, подлый Пятаков.

Семнадцать их... Как полночь на погосте,
Черна их совесть и в крови рука.
Семнадцать их... И каждый—кость от кости
Блудливого Иуды-вожака.

Доверье, совесть, честь поставив на кон,
Они вершили гнусные дела.
Со всех помоек мира, как в клоаку,
Грязь вероломства в их сердца стекла.

В делах измены за пояс заткнули
Они мерзавцев всех времен и стран.
Лойола перед ними — мелкий шулер,
Коварный Яго — жалкий шарлатан.

Приказчики коричневого сброда,
Они вредили, прячась в тайниках.
Смотрите, люди: кровь сынов народа
Еще не высохла на их руках!

Прикрыв измену клятвой вероломной,
Врагам страны продавшись без стыда,
Они из строя выводили домны
И под откос пускали поезда.

Торгуя нашим будущим и кровью,
Несли они свинцовую пургу,
Приморье, Приамурье, Приднепровье
Запродавая лютому врагу.

Людской мечте, что стала светлой былью,
Они несли отравленный снаряд,
Конвульсиями злобного бессилья
Стараясь время повернуть назад.

Но то, что взято кровью и трудом,
Кто у народа отобрать посмеет?..
И вот они стоят перед судом —
Предатели, изменники, пигмеи.

Их слово—ложь. Их клятва—лицемерье.
Их сердце пусто, помыслы черны.
Смерть подлецам, втоптавшим в грязь доверье
Овеянной победами страны!

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ.

ИЗ ЗАЛА СУДА

Троцкистские бандиты в центре и на местах

Три ступени, три этажа имела троцкистская бандитская организация,—и трудно сказать, где выглядит она отвратительнее: на первом ли этаже, где договаривался Троцкий с Гессом о запродаже Советского Союза и о массовых убийствах, или на третьем, где троцкист Шестов договаривался с немецкими диверсантами о взрывах и поджогах на рудниках Кузбасса. Но через все эти три этажа проходит этот изменнический договор с врагами советской страны.

На первом этаже — запродажа «ангро»: Троцкий сбывает немцам, японцам целые республики, области. Он дает обязательства сорвать пятилетку. Он обещает восстановить капитализм. Он продает немцам и японцам всю свою армию троцкистов в качестве шпионов и диверсантов. Кроме Гесса *не названы другие имена. Они даже* не обозначены многоточием. Как проститутка предлагал себя Троцкий различным высокопоставленным лицам.

Во втором этаже, в «параллельном центре», *Пятаков, Радек, Сокольников*, Серебряков продают родину оптом, в плановом порядке, не входя в детали. Они встречаются с иностранцами рангом пониже — с господами Многоточие. Они планируют вредительство в широких размерах, не входя в детали. Они организуют террористические акты, не интересуясь техникой. Они *гнушаются черновой работой. Их бандитизм* строго оформлен бюрократически, и в их облике самым гнусным образом смешались черты подлейших убийц с чертами самодовольных бюрократов. Троцкистские преступления проходят через кабинеты, охраняемые секретарями от постороннего взора.

Третий этаж предстал вчера на процессе при допросе членов сибирского центра. Здесь та же смесь бандитизма и бюрократизма, но чином поменьше. Зато здесь и развернута была по-настоящему, без прикрас, без попыток завуалировать троцкистская работа. *Недаром именно Муралов*, глава сибирского центра, был обласкан милостивым отзывом Троцкого.

У Троцкого были основания выражать благодарность Муралову. Террористические акты против руководителей советского правительства и ВКП(б), которые не по вине Муралова окончились «неудачно»: взрывы и пожары на шахтах, гибель при этом рабочих; густая сеть шпионажа; железнодорожные аварии; срыв производственных планов и строительства; уголовные преступления — убийство, грабеж: все это Муралов преподнес через своего господина, через Троцкого, иностранным государствам—Германии и Японии.

Сокольников разговаривал с госпожиной Многоточие украдкой, воровским *манером, полусловами. Радек разговаривал* с господами Многоточие намеками, смысл которых был вполне понятен собеседникам. Но тут, на третьем этаже, все эти намеки и полуслова, все эти дипломатические обороты превращались в простые, откровенные, грубо-деловые речи. Шестов просто говорил германскому диверсанту Шебесто: *взорвать такой-то рудник, поджечь такое-то строение.* И германские диверсанты и шпионы тоже очень просто, по-деловому разговаривали с Шестовым о разбойничьих делах. И не было между ними никакой разницы. Господа наверху сговорились, холопы внизу выполняют общее задание.

Троцкий лично, физически не присутствует в зале заседаний. Но это именно он, в лице своих верных слуг, своих учеников, дает ответ за преступления. Стиль Троцкого очевиден в показаниях и выступлениях его сообщников. Именно потому, что они сохранили верность Троцкому, они могли совершить все подлые свои преступления.

Муралов, Богуславский, Дробнис, Шестов не могут отречься от Троцкого, если бы и хотели. Троцкизм лежит на них как клеймо. Но и Троцкий не может отречься от Муралова, Богуславского, Дробниса, Шестова.

Троцкисты называют Муралова «солдатом». Это звучит у них как похвала. И сам Муралов с охотой разыгрывает роль грубого «солдафона», верного лейб-гвардейца Троцкого. На верхних этажах, мол, вершили высокую политику, а он, Муралов, по-солдатски выполнял решения своего *начальства. Отчасти это верно.* В троцкистской организации дисциплина имела солдатский характер: не рассуждали, а повиновались. Пятаков и Радек, а уж, конечно, вслед за ними и Муралов пытаются уверить, что они совсем не рассуждали: получали террористические и вредительские директивы и передавали с этажа на этаж для исполнения. Троцкий командовал: изменяйте родине, и они изменяли.

В действительности, они рассуждали, и Муралов очень хорошо понимал, что делает. Он сам приходил иногда в смущение от того, что делает, у него, по его словам, «свербело сердце», но такова уж была «внутрипартийная демократия» в троцкистской разбойничьей организации, что сердце свербело, а руки убивали и жгли.

Дробнис — старый троцкист. Это—Троцкий в уездном масштабе, с троцкистской манией величия, с троцкистским презрением к рабочему классу, самовлюбленный и дрянной человечишка. В сибирском центре он «заведывал» вредительством. Это именно он организовал, продумал подлый взрыв в Кемерове. При рассмотрении плана *вредитель Носков обратил* его внимание на такую мелочь, деталь, как судьба рабочих. Дробнис ответил пренебрежительно, что нечего «миндальничать». Его учитель не миндальничает, когда разжигает войну и вредительство во всесоюзном масштабе. И Троцкий в сибирском масштабе бросает хлесткую фразу: «чем больше жертв, тем лучше». *Для кого лучше? Для троцкизма*, конечно. Десяток рабочих погибнет или сотня—вопрос второстепенный. Сотня лучше, чем десяток.

Дробнис, как Троцкий, очень заботится о внешнем эффекте. Он *придает* себе, своей фигуре, своему лицу демонический вид. Кажется, будто он загримирован как плохой актер в старинной мелодраме: черная борода по пояс, черные пряди волос на лысеющей голове... Но это не грим. Это—дурной троцкистский вкус подлинного злодея. Борода заменяет Дробнису татуировку *профессиональных бандитов.*

Шестов в своей собачьей верности Троцкому не уступает ни Муралову, ни Дробнису. Он был студентом в 1923 г. Это, видимо, о нем говорил Троцкий, когда делал свою ставку на молодежь. Это он, Шестов, был тогда «барометром» Троцкого. Он и остался барометром троцкизма, измерителем всей глубины падения, всей неиз'яснимой низости троцкизма.

Шестов начал свою троцкистскую деятельность организацией подпольной типографии. Впоследствии он часто *встречался в Берлине с Седовым. Он в совершенстве* усвоил «новейший курс» Троцкого и убедительно об'яснял беспартийному бандиту и агенту германской разведки инженеру Строилову, что нет никакой разницы между троцкистами и обыкновенными диверсантами: одна у них цель, одни средства, одни хозяева. Вот то самое, что *кудревато излагал Радек, Шестов* формулировал просто: мы, троцкисты, шпионы, агенты германской разведки и бандиты.

Шестов вместе со Строиловым планировали диверсантские акты для Шебесто и *Флорена, Кана, Штейна,* Баумгартнера и других немцев, переброшенных из Германии по договоренности с Троцким. Горели рудники, корчились в муках рабочие, выбрасывался на свалку уголь, снижалась добыча руды,—а Троцкий кричал сердито из своего «убежища»: мало! жгите! бейте!

По плану, разработанному Мураловым, бандиты Шестова устраивали террористические покушения. Тщательно готовилось покушение на председателя Совнаркома СССР тов. В. М. Молотова. Творили свое подлое дело террористы троцкизма и в *других городах, и их торопили, подгоняли* Пятаков, Радек, а сверху, из «убежища», улюлюкал самый матерой бандит, воспитатель чудовища в человеческом образе—Шестова: мало! больше убийств! скорее убивайте!

Троцкистскую организацию возглавлял Троцкий. Ее низы расплывались в бандитизме, не украшенном никакими партийными кличками. Муралов, Дробнис, Шестов старались расширить организационные ряды, привлекая в их состав бывших вредителей, сохранивших вредительские наклонности, агентов германской разведки, простых бандитов. Так и должно быть, потому что бандитизм — это основная черта, об'единяющая все три этажа троцкистской организации, и приняла эта организация типичный облик всех больших бандитских организаций в Европе и Америке. Капитализм взрастил эти организации, дал им свою душу, вдохнул в них свою мораль. *Они носят одно имя в Америке, другое*— в фашистской Германии. В Советском Союзе—это троцкизм.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.

КАРТИНА ШИРОКОГО ЗАГОВОРА ПРОТИВ МИРА

Я и мой товарищ по газете «Юманите» Вайян Кутюрье приехали на процесс троцкистского центра потому, что вопросы, которые стоят на этом процессе, представляют большой интерес для народных масс Франции. На процессе развертывается картина широкого заговора против мира, организованного троцкистами совместно с фашистскими агрессорами. На процессе со всей широтой поставлен вопрос о роли троцкизма как союзника фашизма.

На сегодняшнем заседании я слушал показания троцкиста Муралова, который прямо и откровенно ответил на тот вопрос, который ехидно задает некоторая часть французской печати: «почему сидящие на скамье подсудимые троцкисты сейчас так подробно рассказывают о всех своих преступлениях?» Показания Муралова дают ответ на это, а ведь он—человек, который целиком находился в руках Троцкого.

На сегодняшнем заседании было ярко показано соучастие германской разведки во вредительской и террористической деятельности троцкистов.

Из показаний обвиняемого троцкиста Шестова, которые он давал хвастливым, развязным тоном, вырисовывается жуткая картина таких страшных преступлений, такой моральной низости, перед которой бледнеют злодеяния из шекспировских трагедий и моральная мерзость некоторых персонажей из романов Достоевского. Троцкистские вредители осуществляли директивы Троцкого, показав на деле, до какого предела низости дошел троцкизм. В их поведении нет ничего человеческого. И подумать только, что во французской социалистической партии еще имеется группа людей, *являющихся* сторонниками Троцкого!

Марсель КАШЕН,

французский сенатор, главный редактор газеты «Юманите».

Миллионы трудящихся требуют уничтожения злобных врагов народа

ОНИ УБИЛИ ЛУЧШИХ РАБОЧИХ НАШЕЙ ШАХТЫ

Письмо горняков Центральной шахты Кемеровского рудника, пострадавших от взрыва

Начавшийся процесс над троцкистской фашистской бандой диверсантов, шпионов, убийц — Пятаковым, Радеком, Сокольниковым, Серебряковым и другими с новой силой воскресил в памяти ужасы взрыва на нашей Центральной шахте Кемеровского рудника. Это сообщники прохвостов, сидящих на скамье подсудимых, организовали взрыв 23 сентября 1936 года. От их кровавой руки погибли тогда десять наших лучших товарищей. Звериную ненависть троцкистов к рабочему классу мы испытали на себе.

Нас было четырнадцать тяжело раненых; мы тоже обрекались на гибель. И только простая случайность сохранила нам жизнь.

Враги народа совершали диверсионные акты с человеческими жертвами, чтобы озлобить рабочих против партии и советской власти. Но подлые замыслы троцкистов не удались. Им никогда не удастся поссорить рабочих с их родной коммунистической партией и советской властью. Рабочие видят и чувствуют повседневную заботу партии, правительства и лично товарища Сталина.

Мы, шахтеры, пострадавшие от взрыва, окруженные вниманием и заботой, уже восстановили свое здоровье. Четверо из нас приступили к работе. Стахановец Боровков ежедневно выполняет норму на 200 и больше процентов. В ответ на обращение нашего наркома тов. Орджоникидзе шахта за 23 дня января выполнила план на 105 процентов.

Вот наш ответ диверсантам!

Нет границ нашему негодованию против гнусной деятельности кровавых палачей. Презренные гады должны понести самую суровую кару — расстрел. Только расстрел подлых предателей и изменников родины будет достойным приговором пролетарского суда.

Никакой пощады врагам народа, агентам фашиста Троцкого!

Рабочие Центральной шахты Кемеровского рудника: ЧАПЛЫГИН, ЧЕКАРИН, КАДЕТОВ, АЛЕКСАНДРОВ, БЕРКОВ.

Великий патриотизм и великая ненависть

(Фабрика «Ява», Москва)

Давно на «Яве» не было такого бурного, взволнованного, многолюдного собрания. Речь шла о самом святом и драгоценном — о счастье и чести родины. Тем временем в трех километрах от фабрики, в зале Дома союзов, шло другое заседание: Верховный суд судил банду гнусных предателей...

— Я задушила бы этих троцкистских зверей собственными руками,—говорила сортировщица Грибова.—Мы горячо любим свою родину, свой народ, свою партию, своего Сталина. Это — самое святое, что есть у нас... Нас не собьешь с великого ленинского пути. Пусть знают подлые изменники: рабочие и весь трудовой народ ненавидят их лютой ненавистью.

Смольникова, оставив своих детей на попечение зала, взошла на трибуну, и голос ее задрожал от гнева и волнения:

— Наши дети видят хорошую жизнь. Для них делается все, чтобы они были счастливы. Ну, разве дадим мы фашистско-троцкистской погани марать нашу землю? Разве для этого наши мужья и братья проливали кровь на фронтах? Создан СССР — могучая наша страна! Кто смеет торговать родиной? Иуда-Троцкий! У него нет родины, он проклят нами, пусть же погибнет, как собака!

Механик гильзового цеха Жуков сказал:

— Троцкий и его приказчики отдавали немцам Украину, японцам — Приморье. Им разве жаль? Они продались капиталистам-фашистам и готовы всей душой служить им. Ну что же! Ответ может быть один: за измену родине—смерть!

Старая работница Любкина говорила, задыхаясь и негодуя:

— Нельзя спокойно говорить. Ведь какая же сволочь!.. 19 лет назад мы свалили кровопийц-хозяев... А они... Опять их нам на шею...

Молодая работница Терехова первый раз в своей жизни держала такую большую речь.

— Вы смотрите, Троцкий делит нашу страну, как свои деньги: вот это — тебе, а это — тебе. Видали?! Мой отец погиб на фронте, мои братья стали инвалидами, защищая свой народ и революцию, а этот Иуда торгует, как лавочник. Кровью моего отца торгует! Кто же это им позволит?! Они травили рабочих-стахановцев, они убивали красноармейцев, они убили дорогого Сергея Мироновича, они хотели убить нашего Сталина, нашего Молотова. Прямо скажу: мы, работницы, разорвем на куски всех, кто попытается отнять у нас наших вождей...

Когда рабочий Вимбрадзе зачитал резолюцию и произнес гневные слова: «расстрелять предателей всех до одного!»,—зал ответил громом аплодисментов.

Н. КРУЖКОВ.

Троцкисты искалечили нас на всю жизнь

Письмо рабочих Горловского азотно-тукового завода, раненных при взрыве

Взрывами на нашем горловском азотно-туковом заводе им. Серго Орджоникидзе, организованными троцкистскими диверсантами, было убито несколько наших товарищей (см. вчерашний номер «Правды»). Кроме того, были ранены: Бикетов Сергей Афанасьевич, Денисов Михаил Степанович, Бегун Иван Иванович, Бондаренко Иван Михайлович, Кулишов Григорий Степанович, Чернецкий Иван Иванович, Мараенкова Анастасия Ивановна и ряд других рабочих.

Наемные палачи убивали нас с хладнокровием и злорадством людоедов из германского Гестапо.

Убийством рабочих троцкистская сволочь хотела вызвать озлобление народа против советской власти и большевистской партии.

Добились они обратного. Мы с самого начала чувствовали в авариях кровавую руку врагов советской власти.

После взрывов советские органы проявили к нам большую чуткость. Нас долго лечили, посылали в санатории, выдавали пособия, устраивали на более легкую работу. Это видели и ценили все рабочие нашего завода. Такова советская власть и таков строй, завоеванный под руководством партии Ленина—Сталина.

Мы теперь уже точно знаем, что троцкисты убили лучших наших братьев. Наша кровь еще сильнее закрепила ненависть трудящихся к троцкистам.

Некоторые из нас искалечены на всю жизнь, но мы надеемся скоро дожить до того времени, когда рабочий класс сведет свой последний счет с обер-палачом — ошалелой собакой Троцким.

Всю кровь, которая у нас осталась, мы отдадим на защиту советского строя, Сталинской Конституции.

Мы глубоко уверены, что советский суд воздаст убийцам по заслугам.

Смерть им!

Бикетов, Денисов, Бегун, Бондаренко, Кулишов, Чернецкий, Мараенкова.

Суд должен быть беспощаден!

Бурю гнева вызывают чудовищные преступления троцкистской банды, представшей перед Военной коллегией Верховного суда СССР.

Троцкисты пользовались такими средствами, от которых кровь холодеет в жилах: травили рабочих, шпионили, организовали взрывы на заводах и шахтах, пытались ослабить военную мощь нашей родины. Они готовили распродажу территории СССР германским фашистам и японским империалистам. Они хотели через трупы рабочих и колхозников притти к власти.

Советский суд должен быть беспощаден к предателям и убийцам.

Кузнецы-орденоносцы автозавода им. Молотова:

АЛЕКСАНДР БУСЫГИН, СТЕПАН ФАУСТОВ.

Озверевшие подлецы

Нет пощады изменникам нашей дорогой родины. Озверевшие подлецы, предатели хотели разорвать ее на куски и отдать фашистам. Они готовили террористические акты над нашими дорогими вождями, лучшими сынами нашей родины. Нет слов, чтобы выразить громадную ненависть к троцкистским преступникам.

К троцкистской банде должна быть применена высшая мера наказания, и я надеюсь, что Верховный суд скажет свое грозное слово.

Народная артистка Союза ССР М. М. БЛЮМЕНТАЛЬ-ТАМАРИНА.

Троцкисты устраивали крушения поездов

ЧЕЛЯБИНСК, 25 января. (**Корр. «Правды»**). В клубе им. Ленина собралось на митинг свыше 400 железнодорожников Челябинского узла. В напряженной тишине собравшиеся заслушали доклад начальника Южно-Уральской дороги тов. Бодрова о злодеяниях антисоветского троцкистского центра. Здесь помнят троцкиста-шпиона Князева, который вел диверсионную работу на дороге.

Машинист-стахановец Мартынов вспоминает, как Князев, будучи начальником дороги, всячески препятствовал машинистам вести тяжеловесные составы, как князевские агенты разрушали путь, устраивали крушения поездов.

Выступавшие товарищи Балашенко, Кривопустов, Марченко и другие рассказывают о том, как душилась Князевым и его людьми стахановская инициатива, как вредительски диверсанты срывали ремонт пути важнейшей магистрали, соединяющей центр страны с восточными границами нашей родины.

Князев и его сообщники осмелились поднять продажную руку на любимое детище советского народа — на Красную Армию, выпестованную Лениным, Сталиным и Ворошиловым.

Собрание железнодорожников Челябинского узла просит Военную коллегию Верховного суда Союза ССР применить ко всем участникам фашистско-троцкистской контрреволюционной банды высшую меру наказания — расстрел.

ГНЕВНОЕ СЛОВО ПОГРАНИЧНИКОВ

ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА БССР, 25 января. (**Корр. «Правды»**). В красном уголке на заставе собрались бойцы-пограничники погранотряда, которым командует полковник тов. Горшнин. Многие пограничники только-что сменились с вахт.

На заставе начался митинг.

Старший политрук пограничного отряда тов. Уткин говорит:

— Здесь на границе мы, пограничники, как нельзя лучше видим два мира. В нашей советской стране течет прекрасная, радостная, светлая жизнь. По ту сторону границы находится чужой нам мир — мир капитализма. Не проходит и дня, чтобы к нам не перебегали люди с той стороны, спасаясь от господства звериного фашизма, от гнета и насилия. Подлые гады—Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков и иже с ними,—пылая ненавистью к рабочему классу, к социалистическому строю, добиваясь насильственного свержения советского правительства, стремились к восстановлению ненавистного капиталистического строя. Нет, этому не бывать никогда!

Пограничник тов. Чернин под одобрительные возгласы заявляет:

— Всем этим мерзким шпионам и вредителям — Пятакову, Радеку, Сокольникову, Серебрякову, всем этим мерзавцам, потерявшим человеческий облик, злейшим врагам народа, нет и не может быть пощады.

Лейтенант тов. Хрянин заявляет:

— Пятаков, Радек и вся эта мерзкая шайка не учли одного — мощи нашего Советского Союза. Лишенные поддержки и какого бы то ни было сочувствия среди трудящихся масс нашей родины, они предстали перед пролетарским судом как оголтелые фашисты. И для них может быть только один приговор: расстрел.

В принятой на митинге резолюции пограничники заявляют:

— Мы просим пролетарский суд стереть с лица земли эту троцкистскую мерзость. Мы просим пролетарский суд расстрелять этих фашистов всех до одного.

Мы заверяем партию, правительство и нашего народного комиссара внутренних дел тов. Ежова, что жизнь товарища Сталина и всех наших руководителей партии и правительства попрежнему будем охранять, как знамя на поле битвы.

Наш участок государственной границы сделаем абсолютно недоступным для врагов Советского Союза. Выше революционную бдительность, и никакая враждебная сила не остановит нашего победного шествия вперед, к коммунизму. Уничтожить изменников родины—таков единодушный голос всех пограничников западной границы.

Митинг окончен. В дозор, на вахту, на охрану границы идут новые наряды пограничников.

Не видать фашистам Украины

—... И вечно у скотины нашей—ребро наружу. Выпасать негде. Куда ни ступишь, всюду панская земля. Приходилось на дороги выводить, в бурьяны. Ходит корова на веревке, крапиву, ромашку горькую выгрызает до корней. Вечер пришел, и никакого толку: дети молока просят, а у коровы вымя, что пятка...

Рядом панские леса зеленеют, луга заливные, нетронутые. Раза два в месяц прохаживался по ним помещик Гурский с двустволкой, бекасов стрелял. Вот еще надобность! А ты былинку тронуть не смей. Пусть твоя скотина с голоду чахнет.

И закон установлен твердый. Подошла крестьянская животина на сто саженей к вырубке—уже три рубля штрафу, в самой вырубке захвачена—пять, на лугу—десять, в лесу—двадцать, на поле—тридцать.

Теперь даже вспоминать и удивительно, и страшно. У вдовы одной, Коломийцевой Оксаны, захватили панские об'ездчики корову в ячменях. Суд скорый: давай три десятки! А откуда взять? Одну картошку едят. Тут моментально распродажа. Та же самая преступная корова пошла за восемнадцать рублей, на две трояшки собрали подушек, ряден, корыт и всякого домашнего барахла. Хата—хоть шаром покати. Однако еще шесть рублей осталось за вдовой.

Бригадир колхоза имени Ленина, Ямпольского района, Винницкой области, член ЦИК Украины, делегат Чрезвычайного XIV Украинского С'езда Советов тов. Литский Иван Ларионович на минутку умолк, закурив папироску.

— Реставрация капитализма! Такую реставрацию пробовали осуществить в тогдашнем Ямпольском уезде белые, германские и польские оккупанты. Оккупанты глумились над крестьянами, как могли. Они ликвидировали все, что попадалось под руку, насиловали женщин, угоняли скот.

А вместе с польскими легионами явились в село сын и зять пана Станислава Гурского, оба офицеры, выводки гадючьего панского гнезда.

Согнали скот. Топоча лакированными сапожками, Гурские хлестали столетних дедов стэками по лицу, требовали, чтобы все национализированное помещичье добро — и хлеб, и скот — было доставлено в двадцать четыре часа.

Трудно передать, каким истязаниям подвергали крестьян офицеры Гурские. Их секли разогретыми шомполами, а кровоточащие раны посыпали солью, смешанной с куриным пометом. Их подвешивали за руки к столбам.

Около двадцати дней длилась в селе эта «реставрация капитализма»...

Кавалерия Котовского и Криворучки, накатившись огненной лавиной, уничтожила банды золотопогонных шкурников. На этот раз уже навсегда.

— Мы отлично понимаем, что проклятые паны Гурские так или иначе связаны с гадючьим троцкистским выводком, — уверенно говорит Иван Ларионович.

— Дети землеробов с молоком матери впитали жгучую ненависть к «реставраторам капитализма» всех мастей. Они выросли при советской власти не заморышами, а геркулесами: все они как наподбор — великолепные снайперы, летчики, понтонеры, танкисты. Да и старики наши... В случае чего — не подкачают.

За 19 лет несказанно расцвела наша советская земля. Не узнать когда-то разгромленного «реставраторами» села. И пусть знает гадючье племя троцкистов, что оно будет раздавлено тяжелой, уверенной ногою освобожденных народов СССР. К стенке реставраторов капитализма!

ВАДИМ ОХРЕМЕНКО.

Зал Чрезвычайного XIV Украинского С'езда Советов.

ИЗМЕННИКИ РОДИНЫ

Процесс запасного или параллельного антисоветского троцкистского центра будит во мне противоречивые чувства. С одной стороны, нет слов для того, чтобы выразить ужас и омерзенье, ужас за то, что было бы со всеми нашими прекрасными начинаниями, со счастливой жизнью советских народов, если бы изменникам родины хоть что-либо удалось. С другой стороны — радость по поводу того, что шайка Троцкого попалась раньше, чем успела привести в исполнение свои адские замыслы.

Не мудрено, что некоторое среднеевропейское государство собиралось нас завоевать. Им, повидимому, троцкисты посулили выдать нас связанными и лишенными возможности сопротивляться, а там не могли отличить преступного лганья и бахвальства от реальных возможностей. Долой корыстных и подлых поджигателей войны, всех до последнего! Не место им на земле.

Преступники сами говорят, что мы против них, что мы «под гипнозом строительства». Нет, мы не под гипнозом, а все, как один, охвачены энтузиазмом великой стройки и нашего все растущего могущества. Проклятье изменникам родины, их никому не жаль, они погибнут, как погибнет всякий, кто посмеет остановить сталинский народ на его историческом пути.

Президент Академии Наук СССР В. КОМАРОВ.

НИКТО НЕ ОТНИМЕТ НАШИХ ПОБЕД

(Из резолюции завода им. Фрунзе, Москва)

Рабочие, работницы, инженеры, техники и служащие завода им. Фрунзе охвачены негодованием и гневом против бандитов из антисоветского троцкистского центра, проклятых врагов народа — Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и всей их банды.

Разоблаченные преступники действовали по прямым указаниям палача и бандита Троцкого. Презренные троцкистские мерзавцы хотели ликвидировать колхозы и совхозы. Землю, которую советская власть отдала колхозам бесплатно, в вечное пользование, советскую землю, на которой расцветает колхозный строй, троцкисты хотели отнять у крестьян, вернуть помещику и кулаку.

Они хотели отдать иностранным капиталистам нашей кровью завоеванную и нашим трудом построенную социалистическую индустрию. Они хотели вновь надеть на трудящихся СССР ярмо капиталистической эксплоатации.

Нет пощады гнусным убийцам!

Смерть врагам!

КРЕПИТЬ МОЩЬ СТРАНЫ

(Из резолюции коллектива завода «СВАРЗ» им. Кагановича, Москва)

Мы, рабочие, инженеры и служащие завода «СВАРЗ» им. Кагановича, единодушно выражаем свой гнев и презрение подлым убийцам. Помочь империалистам Германии и Японии напасть на Советский Союз, свергнуть власть Советов и отдать рабочих в кабалу капиталистам, а крестьян — кулакам и помещикам, — такова программа троцкистов.

Везде троцкисты работают на фашизм и пытаются повернуть обратно ход исторического развития, остановить могучее поступательное движение социализма.

Мы знаем, что попытки Иуды-Троцкого и его приспешников Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова обречены на провал. Советский Союз уверенно идет к коммунизму, и никакая сила не остановит этого движения.

Наше мнение единодушно. Смерть подлым убийцам, диверсантам и шпионам! Выше революционную бдительность!

Что мы слышали на процессе

ОНИ УБИВАЛИ НАШИХ БРАТЬЕВ, СЕСТЕР И ДЕТЕЙ

Сегодня мы, делегаты XVII Всероссийского С'езда Советов от Западной Сибири — шахтеры, учителя, ученые, партийные работники, слушали на процессе показания бандитов-террористов, презренных троцкистов, орудовавших в нашем крае. Болью и гневом, ненавистью и презрением наполнялись наши сердца, когда мы слушали показания Дробниса, Богуславского, Муралова, Шестова... Их преступная деятельность протекала в нашем крае, в котором выросли гиганты индустрии социализма. Грязные лапы агентов Гестапо протянулись к нашим жилищам, нашим шахтам, к нашим заводам.

Изо дня в день троцкистские бандиты делали свое подлое дело — отравляли стахановцев, убивали честных инженеров, грабили и присваивали себе государственные деньги, снабжали германскую разведку важными сведениями. Изо дня в день эти негодяи — Шестов, Муралов, Дробнис, Богуславский, Строилов и другие — изменяли родине, работали на пользу капитализма.

Тяжело и больно было слушать нам, когда негодяй Шестов рассказывал о том, как он вместе с германскими агентами устраивал поджоги в шахтах, газами отравлял рабочих. Это они, диверсанты и шпионы, готовили покушение на тов. Молотова, которое, к счастью, было предотвращено. С палаческим спокойствием и хладнокровием Шестов рассказывает, как наши шахтерские дети погибли от динамита троцкистской банды. Кровь наших детей, безвременно погибших, кровь шахтеров, отравленных газами, кровь инженера, убитого диверсантами, — кровь наших братьев и сестер взывает о мщении. Никогда не изгладятся из памяти народа гнусные деяния троцкистской банды!

Нет слов выразить нашу ненависть и презрение к жалким щенкам фашизма, предателям нашей социалистической родины, гнусным убийцам Сергея Мироновича Кирова. Им, трижды презренным троцкистам, мало оказалось пролитой крови рабочих, детей, красноармейцев, — бандиты усиленно готовились к новым кровопролитиям... Но бешеные псы фашизма жестоко ошиблись в своих расчетах. Их ставка на возврат капитализма бита, враги предстали перед лицом пролетарского суда.

Мы, делегаты XVII Всероссийского С'езда Советов от Западно-Сибирского края, присутствующие на судебном процессе троцкистского центра, от имени всех трудящихся нашего края требуем от Верховного суда СССР расстрелять изменников родины.

Мы заявляем, что отныне будем еще зорче охранять нашу родину и беречь, как зеницу ока, любимых руководителей партии и правительства. Ничто не остановит нашего движения вперед, к новым победам!

В. В. Печень (шахтер Анжерских копей), **Х. Гульмутдинов** (забойщик, Кемерово), **С. А. Адамов** (профессор Томского мединститута), **А. П. Удалова** (учительница Ребрихинской школы), **Слуева** (колхозница), **Л. Руданова** (машинист Барнаульского меланжевого комбината), **Махнева** (старшая стрелочница станции Белово), **М. Максимов** (председатель Косихинского райисполкома), **Палатинна** (Новосибирск), **Г. Салахутдинов** (мастер, Новосибирск).

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, КОТОРЫМ НЕТ ПРЕДЕЛА

Третий день я сижу в зале суда. Никогда за 28 лет своей жизни я не слышал и не читал о таких чудовищных преступлениях. Я знаю, что провокаторы Азеф и Малиновский до сих пор еще никем не были превзойдены. Здесь на суде я увидел иезуитов и провокаторов, перед которыми бледнеют все прошлые. Троцкисты, ведь это не только провокаторы и иезуиты, это и бандиты и шпионы, диверсанты и вредители, воры и убийцы. Это не люди, а звери, самые хищные, ядовитые и подлые.

Они хотели посредством насильственного свержения правительства СССР заменить социалистический строй капиталистическим строем. Они хотели снова посадить буржуя и кулака на шею рабочего и крестьянина.

Что может быть более преступно?

На скамье подсудимых подлейшие из подлых. Мразь! Невозможно спокойно смотреть на этих торгашей войны, на этот заживо сгнивший источник заразы и мракобесия. Кто теперь скажет, что Радек журналист? Он убийца С. М. Кирова. Его перо—это ширма, его действительное перо—финский нож и наган.

Показания подсудимых — зловонный трупный смрад. Я своими ушами услышал из уст бандитов, как они воровали советские деньги, как убивали рабочих и красноармейцев, как организовали и осуществили убийство С. М. Кирова. Об этом они повествовали хладнокровно, цинично и нагло. Я слушал, и по всему телу проходила дрожь, бегали мурашки, становилось холодно. Хотелось кричать суду — уничтожьте их физически как можно скорее! Но этого нельзя сделать—выведут из зала. «Судьи независимы и подчиняются только закону» — несколько дней назад на XVII Всероссийском С'езде Советов мы утвердили эту статью.

Советская молодежь, никогда не видавшая помещика и фабриканта, не желает и в будущем их видеть на советской земле. Мы, молодежь, кроме социалистического государства и советской власти, ничего не знали, не знаем и знать не желаем. Никогда троцкистам — фашистским агентам не вернуть проклятое прошлое. При каждой попытке они будут раздавлены и выброшены в мусорный ящик истории.

Советский народ, рабочие, крестьяне, интеллигенция требуют сурового приговора. От имени 20-тысячного коллектива завода Ростсельмаш им. Сталина я требую расстрелять этих извергов рода человеческого.

МИХАИЛ ДАГИН (инженер завода Ростсельмаш, делегат XVII Всероссийского С'езда Советов).

Агенты иностранных разведок

Вот уже третий день я сижу на процессе антисоветского центра и слушаю допрос подсудимых — подлых изменников родины. С каждым новым допросом все больше убеждаешься, какие это негодяи, какие это подлые агенты фашизма!

Пятаков, Радек, Шестов и другие цинично, с издевкой говорили о том, что надо вызывать возмущение у рабочего класса против советского правительства. Они говорили, что надо вредить, отравлять рабочих, делать так, чтобы подорвать у рабочих доверие к партии, к правительству. Жалкие, презренные негодяи, на что они надеялись? Неужели они думали, что рабочий класс не раскусит их политику, не ударит их по рукам?!

Тяжело и обидно мне, старому питерскому рабочему, перенесшему все тяжести и все невзгоды жизни в царское время, слушать их издевки над рабочим классом. Мне 65 лет. 50 лет я работаю кузнецом, из них 38 лет на одном лишь Кировском заводе. Уж я-то хорошо знаю, как изменился рабочий класс нашей страны, как он вырос культурно и политически, какой могучей силой стал он в нашей стране!

Никогда не удастся ни троцкистским бандитам, ни агентам иностранных разведок, никому не удастся заставить нас свернуть с социалистического пути. Мы живем, мы растем, мы набираем силы с каждым днем, с каждым часом!

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ БОБИН (бригадир кузнечного цеха Кировского завода в Ленинграде).

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Все еще трудно и невозможно забыть те богатые и прекрасные впечатления, которые мы получили на недавно закончившемся XVII Всероссийском С'езде Советов. Какой резкий контраст от праздничного, бодрого настроения в одном зале — Кремлевском и тяжесть и мрак в другом зале — судебном, где на скамье подсудимых сидит кучка подлых шпионов и диверсантов.

День за днем советский суд разоблачает и раскрывает одну из темных страниц в истории человечества,—преступления троцкистских бандитов. Все они, начиная от негодяя Троцкого и кончая Шестовым, убийцей и поджигателем, — агенты германского и японского фашизма.

Ничего, кроме отвращения, они не вызовут у всех честных тружеников труда и науки. Эти негодяи в своих преступлениях пришли к последней черте. Суд народа выбил из их рук оружие. Суд народа избавит наше социалистическое общество от предателей родины, отравлявших воздух нашей страны.

Академик Л. А. ОРБЕЛИ.

НЕ ЛЮДИ, А ЗВЕРИ!

Я—рядовой колхозник Северного Кавказа. Был в качестве делегата от нашего края на Всероссийском С'езде Советов. А по окончании С'езда присутствую на процессе антисоветского троцкистского центра.

В немногих словах хочу поделиться своими впечатлениями. От всего, что услышал на процессе, у меня, терского казака, стынет кровь в жилах. Не люди сидят на скамье подсудимых, а звери. По указке Троцкого и иностранных контрразведок они убили честного и дорогого Кирова, убили и покалечили много советских рабочих. Обо всем этом Пятаков, Муралов, Шестов и другие рассказывают спокойно, как палачи.

Каждый из них по-своему гадок. Но особенно омерзительно выглядит низенький, толстый Шестов, который вел террористическую работу в Кузбассе. Этот негодяй рассказывал сегодня о том, как он подготовлял убийство Вячеслава Михайловича Молотова. Спокойно, не смущаясь, излагает он суду историю аварии машины, на которой ехал тов. Молотов. Вез его на машине троцкист Арнольд. Этот Арнольд должен был сбросить машину в овраг. А на тот случай, если это не удастся, шедший навстречу грузовик должен был врезаться в легковую машину и разбить ее. Не удалось им ни первое, ни второе!

Зал содрогается, когда Шестов рассказывает о гибели маленьких детей шахтеров. Бандиты собирали динамит для взрыва шахты. Складывали они этот динамит рядом с жилищами рабочих, в погреб. На этот динамит натолкнулись дети и погибли. Страшно прямо слушать!

Так, не брезгая никакими средствами, эти подлецы убивали и взрослых и детей.

Мое слово терского казака: за все их преступления перед родиной, за предательство, за шпионаж, за убийства суд должен вынести один приговор—всех гадов до одного уничтожить.

ФОМА БОГАЕВСКИЙ. (Колхозник станицы Калининской, Наурского района, Северо-Кавказского края, награжден орденом Ленина).

На международные темы

Ответ Франции Гитлеру

О предстоявшем выступлении французского премьера Блюма на собрании народного фронта в Лионе было известно из печати задолго до 24 января, когда эта речь была произнесена. Ее ждали с понятным интересом, *поскольку в ней должна была быть изложена позиция Франции в основных международных проблемах.*

Нужно признать, что выступление главы французского правительства внесло ясность в международные отношения. Оно отчетливо выразило отношение Франции к вопросам о неделимом мире, *о создании системы коллективной безопасности*, об укреплении Лиги наций. *Блюм подтвердил верность* Французской республики принципам и уставу Лиги наций, верность Франции ее дружественным связям, верность принятым ею на себя обязательствам. Он солидаризовался с речью, недавно произнесенной Иденом в палате общин, и подчеркнул, что основой международных отношений должна быть воля государств к мирному сотрудничеству.

В Берлине речь Блюма ожидали, *возлагая на нее определенные надежды.* Германская дипломатия рассчитывала, что французское правительство согласится на сепаратные переговоры с Германией и что будет обсуждаться вопрос о получении Германией экономической помощи от Франции.

Блюм в своей речи, прежде всего, отверг назойливые предложения германских фашистов *о двусторонних переговорах.* Этот метод уже дал, как известно, ряд «*достижений*», *ничего общего не имеющих с* делом обеспечения мира. Плодом двусторонних переговоров явились такие образчики фашистского «миролюбия», как польско-германское соглашение 1934 года, итало-германский протокол 1936 г. и недавно заключенный японо-германский военный союз.

Берлинских политиков мало интересуют такие темы, *как организация коллективной* безопасности, неделимый мир, Лига наций. И неудивительно, что германская фашистская печать, комментируя речь Блюма, находит в его словах лишь «устарелые предложения» и «мало нового».

Германские фашисты никогда не отличались наивностью. Однако они всерьез раздосадованы: французское правительство, заявил Блюм, не склонно предоставить Германии кредиты до получения предварительных гарантий, что эти кредиты не будут **использованы для дальнейших вооружений, для дальнейшей подготовки войны** против Франции.

Оснований для этих опасений долго искать не приходится. На-днях закончено комплектование германской армии. Большинство ее дивизий сконцентрировано на западе, вдоль французской и бельгийской границ и в граничащих с Швейцарией районах. В Рейнской области создается обстановка, напоминающая предвоенную. Газета «Репюблик», выходящая в Страсбурге, сообщала 21 января о том, что начато массовое выселение гражданского населения из многочисленных пунктов левобережья Рейна. *Вся эта полоса превращается в исходный плацдарм для устремления германских армий на запад.*

Это одна сторона дела. Далее, никогда со времени прихода к власти гитлеровцев в Германии не проводилась такая провокационная антифранцузская кампания, как за последние недели. Официальное Германское информационное бюро и вся фашистская печать публикуют одну фальшивку за другой — то о мнимом провозглашении советской власти на юге Франции, в Перпиньяне, то о намерениях Франции захватить Испанское Марокко. *Смысл этой разнузданной* кампании ясен. Речь идет не только о том, чтобы *отвести подобной диверсией внимание* международного общественного мнения от войны, которую Гитлер и Муссолини ведут вместе с генералом Франко против испанского народа. План задуман шире. Германские фашисты совместно с французскими реакционерами стремятся создать условия для срыва народного антифашистского фронта во Франции.

Речь Блюма была произнесена на собрании, на котором присутствовали виднейшие представители всех входящих в народный фронт партий, группировок и организаций. Это собрание само по себе было яркой демонстрацией сплоченности французского народного фронта, опирающегося на многомиллионные массы. Из одного этого факта германские фашисты и французские гитлеровцы могли бы сделать соответствующие, неутешительные для себя выводы.

Л. ВОЛЫНСКИЙ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕЧАТЬ О РЕЧИ БЛЮМА

(По телефону от парижского корреспондента «Правды»)

ПАРИЖ, 25 января. Речь Леона Блюма и вся демонстрация партий народного фронта в Лионе произвели глубокое впечатление во Франции. Выступления Жака Дюкло от компартии и Эдуарда Эррио от партии радикалов подтвердили сплоченность правительственного большинства. Печать правой буржуазной оппозиции, которая усиленно распространяла слухи о раздорах между партиями правительственного большинства, обнаруживает сегодня некоторую растерянность.

Растерянность правой печати тем больше, что ей, по существу, нечего выставить *против внешнеполитической программы* правительства Леона Блюма. Ряд правых газет поэтому совершенно воздерживается от комментариев, а другие оказываются вынужденными признать правильность позиции, изложенной в речи Блюма. В этом отношении очень характерна статья дипломатического обозревателя правой газеты «Фигаро» — Владимира д'Ормессона. Изложив основные тезисы речи Блюма, д'Ормессон пишет:

«Никто, конечно, не будет оспаривать, что Блюм говорил вчера с Германией языком чести и здравого смысла, что он открыл путь интересным перспективам и что *он выразил правильно* чувства французского народа. Интересно знать, как на это ответит 30 января Гитлер».

Н. Майорский.

Отклики в Берлине

БЕРЛИН, 25 января. (ТАСС). Речь Блюма в Лионе, судя по первым откликам германской печати, не оправдала надежд *берлинских политиков.*

Официоз «Фелькишер беобахтер» излагает речь Блюма под заголовком: «Красивые слова и устарелые предложения в речи Блюма». Газета заявляет, что содержание речи Блюма от начала *до конца совпадает* с недавней речью в палате общин английского министра иностранных дел Идена. Одновременно фашистский официоз снова выступает против франко-советского договора *о взаимной помощи.*

БЕРЛИН, 25 января. (ТАСС). Вечерняя печать продолжает весьма оживленно комментировать лионскую речь Блюма. Газеты делают ударение на требовании практических мероприятий со стороны Франции и подчеркивают, что имеется возможность преодоления противоречий и устранения трудностей.

Печать заявляет также, что Блюм не сомневается в искренности германской воли к миру. Газеты полемизируют с Блюмом по вопросу о двусторонних договорах, подчеркивая, что *проводимая на деле политика* Франции находится в противоречии с тезисом Блюма, ибо Франция заключила в свое время двусторонние договоры.

«Берлинер тагеблатт» отмечает, что в *вопросах внутренней политики* Блюм остался на позиции народного фронта, а в отношении внешней политики на деле сохранил «традиционную позицию послевоенной Франции».

На фронтах в Испании

ПАРИЖ, 25 января. (ТАСС). Агентство Гавас передает сообщение Комитета обороны Мадрида, опубликованное вчера в 21 час 30 мин. по мадридскому времени. В сообщении говорится:

«На центральном фронте плохая погода затрудняла военные операции. В районе Аранжуэса мятежники развернули атаку на Куэста де ла Рейна. Атака была отбита правительственными войсками. Артиллерия мятежников бомбардировала столицу и мост Сан-Фернандо».

ЛОНДОН, 25 января. (ТАСС). Как сообщает валенсийский корреспондент «Таймс», правительственные самолеты усиленно бомбардировали аэродромы мятежников в Авиле и Талавере.

ВАЛЕНСИЯ, 24 января. (Спец. корр. ТАСС). Вчера на рассвете в районе Андухара (*провинция Хаэн*) 20-я бригада республиканских войск внезапно атаковала позиции мятежников у деревни Лопера. Республиканцы заставили противника отступить на 4 км и укрепились на занятых позициях.

БИЛЬБАО, 24 января. (Спец. корр. ТАСС). Сегодня на всех участках бискайского фронта происходила легкая ружейная и пулеметная перестрелка. В районе Элоррио (к юго-востоку от Бильбао) артиллерия республиканцев успешно обстреливает позиции мятежников.

На астурийском фронте республиканская артиллерия держит под сильным огнем позиции мятежников в Пико дель Арка (к северо-западу от Овиедо). Продолжается *также артиллерийский обстрел укрепленных* позиций мятежников в самом Овиедо. *Сегодня утром из Овиедо на сторону* республиканцев перешло 5 солдат из войск мятежников.

ПОДПИСАН БОЛГАРО-ЮГОСЛАВСКИЙ ДОГОВОР

ВЕНА, 25 января. (ТАСС). Вчера в Белграде был подписан договор о дружбе между Болгарией и Югославией.

По сообщению Австрийского телеграфного агентства, в этом договоре говорится:

«Король Югославии и король Болгарии... решили заключить следующий договор о дружбе между Болгарией и Югославией.

Статья 1-я. Между *королевством* Югославии и королевством Болгарии будут *существовать нерушимый мир и честная вечная дружба.*

Статья 2-я. Этот договор будет ратифицирован и обмен ратифицированными текстами между обоими государствами произойдет в Белграде в возможно кратчайший срок».

ФРАНКО-ТУРЕЦКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О САНДЖАКЕ АЛЕКСАНДРЕТТА

ЖЕНЕВА, 24 января. (ТАСС). Осведомленные круги подтверждают следующие подробности франко-турецкого соглашения, достигнутого по вопросу о санджаке Александретта.

Санджаку гарантируется автономия внутри Сирии, которой поручается ведение его внешней и таможенной политики. Автономия санджака гарантируется Лигой наций, назначающей в Александретту своего верховного комиссара. Границы санджака гарантируются Францией, Турцией и Сирией, при чем санджак демилитаризируется.

НЕУДАЧА ПЕРЕЛЕТА ПАРИЖ—ТОКИО

ПАРИЖ, 25 января. (Соб. корр. «Правды»). Летчики Доре и Мишлети, совершающие перелет *Париж—Токио*, сделали вынужденную посадку на маленьком острове у *побережья Индо-Китая.* «Пти паризьен» помещает следующую телеграмму, полученную *от летчиков*:

«Вылетев из Ханоя, мы попали в Тонкинском заливе в очень плохую погоду и вынуждены были повернуть назад в Ханой. Непогода усиливалась, и с наступлением ночи мы сели на пустынном островке в районе Тьеньена. Мы невредимы, но самолет разбит прибоем».

Таким образом, задание совершить перелет Париж—Токио за 100 часов осталось невыполненным.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ОТКЛИКИ НА ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

ВПЕЧАТЛЕНИЕ В АНГЛИИ

(По телефону от лондонского корреспондента «Правды»)

ЛОНДОН, 25 января. Английская печать очень широко освещает ход процесса антисоветского троцкистского центра. Большинство газет опубликовало выдержки из обвинительного заключения, а также приводит показания подсудимых на процессе.

Из руководящих консервативных газет наиболее широко освещают ход процесса «Дейли телеграф» и «Морнинг пост». Обе газеты в основном базируют свои отчеты на сообщениях своих московских корреспондентов.

Корреспондент «Дейли телеграф» описывает в начале своего сообщения зал суда, *формальности, предшествовавшие началу* судебного разбирательства. Между прочим, *корреспондент указывает, что все* обвиняемые оставляют впечатление людей, находящихся *в добром здоровьи*, и хорошо одеты. Корреспондент очень подробно передает показания обвиняемых, в частности Радека, Пятакова, Сокольникова. Корреспондент подчеркивает, что из показаний обвиняемых выясняются их связи с представителями иностранных держав в Москве.

Корреспондент «Морнинг пост» также передает пространный отчет о первых днях процесса. Он указывает, что подсудимые обвиняются в самых серьезных преступлениях: в предательстве, шпионаже, в организации террористических актов. Большую сенсацию, по мнению корреспондента, *произвело признание* Радека *о его* переговорах с японскими и германскими дипломатами относительно «уступки» Советской Украины фашистской Германии, а Советского Дальнего Востока—Японии.

Наиболее широко ход процесса освещает «Дейли уоркер». В редакционной статье газета пишет:

«Показания на процессе, в которых подсудимые признали себя виновными, говорят о том, что эти террористы являются самыми лицемерными двурушниками, шпионами, убийцами, союзниками фашистов, предателями СССР и международного рабочего движения. Однако *этих презренных типов пытается* защищать «Дейли геральд» и лидеры Второго *интернационала наряду с агентурой* Геббельса.

Английские рабочие должны потребовать, чтобы им раз'яснили: высказывается ли «Дейли геральд» за убийства, вредительство, саботаж и уничтожение СССР и рабочего движения? Ибо именно это намеревались совершить троцкистские террористы, которых «Дейли геральд» поддерживает. Жуткие показания подсудимых вызовут негодование и возмущение рабочих повсюду. Действия «Дейли геральд» и руководства Второго интернационала вызвали глубокое отвращение и беспокойство в рядах английского рабочего движения».

И. Ермашев.

Красноречивое молчание фашистских сообщников

БЕРЛИН, 25 января. (Соб. корр. «Правды»). Фашистская печать пытается замалчивать процесс антисоветского троцкистского центра. Сегодня большинство германских фашистских газет ограничивается печатанием коротенького и совершенно невразумительного отчета Германского информационного бюро о процессе. «Фелькишер беобахтер» *не напечатала даже и этого отчета.*

Исключение составляет «Дейче альгемейне цейтунг», *публикующая более подроб*ный отчет своего московского корреспондента о процессе. Обращает на себя внимание, что «Ангриф», не поместившая о процессе даже отчета Германского информационного бюро, напечатала жирным шрифтом телеграмму, содержащую очередное заявление Троцкого.

А. Климов.

«История черного предательства»

НЬЮ-ЙОРК, 25 января. (ТАСС). «Нью-Йорк таймс» в телеграмме собственного корреспондента из Москвы пишет, что Пятаков «рассказал историю черного предательства».

«В течение пяти длинных часов,— отмечается в телеграмме,— не было никакого истерического признания, а происходил подробный рассказ о заговорщической деятельности... В обвинительном заключении указывается, что подсудимый Князев имел в своем распоряжении документы, несомненно, устанавливающие связь с японской военной разведкой. Очевидно, эти документы будут пред'явлены...

Кроме того, другие обвиняемые, вместо того, чтобы отрицать сказанное Пятаковым, подтвердили это полностью и без возбуждения».

Один из самых опытных иностранных дипломатов, указывает корреспондент, сказал: «Если это ложь, то я никогда не слышал правды».

Вопиющие преступления агентов фашизма

ПАРИЖ, 25 января. (Соб. корр. «Правды»). Почти все французские газеты помещают сегодня подробный отчет о процессе троцкистской банды террористов, шпионов и вредителей. Эти отчеты передают с большой обстоятельностью гнусные преступления, которые были совершены агентами фашизма.

Характерно, что «с опровержением» того, что Троцкий вместе с фашистами готовит нападение на СССР, выступает фашистская «Аксион франсез» — газета самой крайней, самой черной реакции. Союз троцкистов с фашистами находит в этом новое подтверждение.

Преступления троцкистов столь вопиющи, что «Эвр» восклицает:

«Если они действительно совершили приписываемые им преступления: саботаж национальной обороны, шпионаж, выдача военных секретов Германии и Японии, то они неоспоримо заслуживают смертной казни».

Выходящая сегодня вечером «Тан», подытоживая последнее заседание суда, заключает:

«Почва для обвинения очень прочна по нескольким важнейшим пунктам. Нет никакого сомнения в том, что обвиняемые организовывали террористические покушения на теперешних вождей партии и правительства, которых они хотели устранить, чтобы захватить власть».

Н. Майорский.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОЦЕССА

СТОКГОЛЬМ, 24 января. (ТАСС). Стокгольмские газеты приводят сегодня подробные выдержки из обвинительного заключения по делу антисоветского троцкистского центра.

Либеральная «Дагенс нюхетер» подчеркивает в заголовке, что процесс имеет международное значение, так как вскрывает заговор против советского правительства и шпионскую службу троцкистов в интересах двух иностранных государств.

Наводнение в США

НЬЮ-ЙОРК, 24 января. (ТАСС). В средне-западных штатах США произошло катастрофическое наводнение. Реки Миссисипи и Огайо, а также их притоки, выступив из берегов на протяжении 2.400 километров, затопили огромную территорию. По данным агентства Ассошиэйтед Пресс, без крова осталось 400 тыс. человек.

ТРОЦКИСТСКАЯ НЕЧИСТЬ В АМЕРИКЕ

(По телеграфу от специального корреспондента «Правды»)

НЬЮ-ЙОРК, 25 января. Поступающие сюда одна за другой телеграммы американских корреспондентов о том, что они видят *собственными глазами, слышат собственными ушами* на процессе троцкистских шпионов, *диверсантов, убийц, наносят сокрушительные* удар за ударом здешним агентам—пособникам троцкистских реставраторов-пораженцев.

Следует учесть, что в последние месяцы агенты Троцкого в Соединенных Штатах усилили по его непосредственным директивам — располагая, видно, солидными суммами—гнуснейшую антисоветскую работу в стиле Херста, как известно, не раз печатавшего контрреволюционные пасквили Троцкого. Это бросается в глаза особенно с тех пор, как мексиканское правительство, *перестав оказывать прежнюю помощь* испанскому народу, предпочло, к восторгу *реакции всего Американского континента,* оказать помощь выброшенному из старой Европы поджигателю войны фашисту Троцкому.

С целью замести следы, скрыть реставраторскую платформу, на которой здесь среди интеллигенции далеко не уедешь, агенты Троцкого пытались орудовать «либеральными» лозунгами вроде права убежища для «преследуемого революционера» Троцкого. Кое-кто из американских либеральствующих интеллигентов попался на эту удочку. Речь идет о тех пресловутых «защитниках гражданских свобод», которые готовы сегодня подписать воззвание в защиту жертв фашизма с тем, чтобы завтра во имя демократии *протестовать против роспуска, скажем, какого-нибудь ку-клукс-клана.* Речь идет, *например, о таких людях,* как о председателе Лиги гражданских свобод Роджере Болдуине, весьма сердобольном к врагам СССР.

Излишне говорить, что если среди буржуазной интеллигенции нашлись пособники троцкистов, то в американском рабочем классе троцкисты встретили должный отпор.

Не мудрено, что с первых же дней процесса в рядах здешней троцкистской агентуры началось смятение, а для некоторых их пособников наступило тяжелое похмелье. Истрепанные лохмотья «левой» фразеологии сдернуты с «преследуемого революционера». Весь мир видит голую правду о нем, его шпионской шайке — страшных уродах, покушавшихся на жизнь уже не только лучших сынов советского народа, но целых народов Советского Союза. Как тут не понять, что ни при каком либеральном трюкачестве невозможно выступать одновременно, скажем, против Гитлера — Гесса во имя борьбы с фашизмом и войной и за их союзника Троцкого во имя «права убежища». Нельзя одновременно выступать против захватнической политики японского империализма и за какое бы то ни было снисхождение к его агентам, тем самым Пятаковым, Радекам, Сокольниковым, которые заботливо предусматривают снабжение Японии советской нефтью на случай войны с Америкой.

Если есть в Америке люди, для которых *показания подсудимых на суде в Москве* даже в присутствии десятков иностранных корреспондентов и дипломатов еще недостаточно убедительны, то таким, мягко выражаясь, чудакам можно было бы рекомендовать почитать то, что пишут в самой американской прессе Троцкий и его здешние агенты.

Сегодня в «Нью-Йорк таймс» появилась статья Троцкого. Бандит в припадке бешенства выдает себя с головой. Он, видите ли, готов предоставить в распоряжение «беспристрастной комиссии» всю свою переписку с 1928 г., чтобы обелить себя и своих агентов, с которыми еще не столь давно, в порядке разделения ролей, публично переругивался. Он добавляет, что *«эта переписка полная и дает точное представление о моей деятельности».*

Какое неуважение к американской публике! Здесь, правда, имеются наивные люди, но не такие, которые поверили бы, что Троцкий подберет «полные» материалы. Здесь, правда, имеются известные «гражданские свободы», но среди них нет закона о том, что суд над преступником есть дело самого преступника. Повидимому, Троцкий понимает, что хватил через край, и—что еще важнее—боится опубликования своих диверсионно-шпионских директив подсудимым. А посему он предусмотрительно оговаривается, что, к сожалению, «часть архивов, правда, неважная», у него недавно «похищена».

Если Троцкий заранее об'являет уже упоминавшуюся в обвинительном акте часть его переписки с пораженческо-вредительскими заданиями «похищенной», но «неважной», то какие еще бездонные глубины подлости должна скрывать его «более важная» переписка, которую не суждено увидеть никаким «беспристрастным комиссиям».

Троцкий еще недавно неистовствовал по поводу того, что Зиновьев и Каменев сказали слишком много. Он и его агенты придумывали одну за другой взаимоисключающие версии о том, почему они «так много» сказали. Сегодня, в смешных потугах скрыть свою связь с Токио и Берлином, Троцкий спрашивает расстрелянных террористов, «почему они никогда не говорили на суде о планах расчленения Советского Союза и вредительской работе на военных предприятиях». Троцкий забывает добавить, что Зиновьев и Каменев не договорили многого другого, лгали, до конца скрывая свое лицо реставраторов капитализма, лгали, как подло лжет Троцкий, которому не удастся обмануть американскую публику хорошо известными ей приемами пойманного с поличным гангстера.

В том же сегодняшнем номере «Нью-Йорк таймс» опубликована обширная корреспонденция Дюранти, дающая живую картину первого дня процесса. В корреспонденции, в частности, приводятся слова, сказанные корреспонденту одним из присутствовавших на процессе «опытнейших иностранных дипломатов», слова, относившиеся к показаниям Пятакова: «Если это ложь, то я никогда не слышал правды».

Добавим от себя, что если хоть одно слово Троцкого правда, то мы никогда не слышали лжи.

Р. ДЖОНСОН.

НОВЫЙ ПОСОЛ США Г-Н ДЖ. ДЭВИС ВРУЧИЛ ВЕРИТЕЛЬНЫЕ ГРАМОТЫ

25 января председатель ЦИК СССР тов. М. И. Калинин принял нового чрезвычайного и *полномочного посла* Соединенных Штатов Америки в СССР г-на Джозефа Дэвиса, вручившего свои верительные грамоты.

* * *

Новый посол США в СССР г-н Джозеф Дэвис — видный адвокат и деятель демократической партии США. Он родился в 1876 г. в г. Уотертауне (штат Висконсин). Получил юридическое образование и в 1902—1906 гг. был прокурором (атторнеем) Висконсина, а затем до 1913 г. занимался там же адвокатской практикой.

При президенте Вильсоне в 1913—15 гг. г-н Дэвис был правительственным комиссаром по делам корпораций (акционерных обществ и трестов). В 1915—16 гг. был председателем федеральной торговой комиссии, а с 1916 по 1918 г. — ее вице-председатель.

С 1918 г. г-н Дэвис занимался адвокатской деятельностью в Вашингтоне и выступал в качестве юрисконсульта Мексики и других стран Латинской Америки, в частности был юрисконсультом правительства Перу при арбитражном рассмотрении президентом США спора между Перу и Чили из-за областей Такна и Арика. (ТАСС).

ВРУЧЕНИЕ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ ПОЛНОМОЧНЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГР-НОМ ХАВАКЧАПОМ

25 января председатель ЦИК СССР тов. М. И. Калинин принял нового полномочного представителя Тувинской Народной республики в СССР гр-на Хавакчапа, вручившего свои верительные грамоты. (ТАСС).

Новые книги

Партийным издательством выпущен большой том статей и речей В. В. Куйбышева— крупнейшего организатора и руководителя государственного и хозяйственного строительства нашей страны.

Опубликованные работы охватывают 33 выступления В. В. Куйбышева за последние пять лет его жизни и борьбы. Экономическая политика партии находит в этих выступлениях блестящее обоснование, широкое обобщение. Статьи и речи насыщены обильным фактическим материалом и политически заострены против врагов социализма.

В книге 635 страниц. Цена в переплете 7 *руб. 25 коп.*

ОТКРЫЛСЯ ИНСТИТУТ КОСМЕТИКИ И ГИГИЕНЫ

Вчера в Москве, в Столешниковом переулке, открылся Институт косметики и гигиены. В день открытия институт посетил народный комиссар пищевой промышленности СССР тов. Микоян.

Институт имеет 15 кабинок, оборудованных для косметического массажа новейшими электроприборами. Для удаления различных дефектов кожи создан специальный электро-световой кабинет.

Под руководством опытных врачей-дерматологов *будет производиться лечение волос* электричеством.

ПРОИСШЕСТВИЯ

* **Нападение волков.** В южных степных районах Западной Сибири появилось много волков. Рыскающие стаями, волки нападают на животноводческие колхозные фермы. В колхозе «Новый землероб», Поспелихинского района, волки недавно зарезали 60 овец, в Мысовском колхозе — 40 овец. В Рубцовском районе, где лучше поставлена охрана животноводческих ферм, охотники-колхозники убили около 100 волков.

МЕТАЛЛ ЗА 23 ЯНВАРЯ

(в тысячах тонн)

	План.	Выпуск.	% плана.
ЧУГУН	42,8	35,7	83,5
СТАЛЬ	52,5	45,0	85,8
ПРОКАТ	41,0	27,7	67,5

УГОЛЬ ЗА 23 ЯНВАРЯ

(в тысячах тонн)

	План.	Добыто.	% плана.
ПО СОЮЗУ	385,6	348,8	90,5
ПО ДОНБАССУ	235,7	210,7	89,4

ВЫПУСК АВТОМАШИН ЗА 24 ЯНВАРЯ

	План в штуках	Выпущено	% плана
Автомашин грузовых (ЗИС) — директор тов. **Лихачев**	204	204	100,0
Автомашин грузовых (ГАЗ) — директор тов. **Дьяконов**	424	190*)	44,8
Легковые «М-1»	40	30	75,0

*) Невыполнение плана по грузовым автомашинам об'ясняется отсутствием коробок клемм и браком рулевых штурвалов.

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

24 января

ДОРОГИ.	Начальники дорог.	Процент выполнения плана погрузки.	Процент выполнения плана разгрузки.	Процент обеспечения вагонами.
Им. Куйбышева	**Хрусталев**	131	105	191
Ташкентская	**Прокофьев**	130	108	133
Закавказская	**Паверман**	127	144	136
Дальневосточн.	**Лемберг**	121	96	154
Калининская	**Амосов**	111	99	95
Белорусская	**Владимирский**	114	111	99
Казанская	**Базеев**	101	100	95
Ашхабадская	**Еремеев**	110	100	177
Им. Молотова	**Друсинс**	134	94	160
М.-Окружная	**Фалеев**	113	54	141
Красноярская	**Ломакин**	88	95	94
Западная	**Русанов**	111	94	133
Ленинская	**Бакулин**	104	80	142
Амурская	**Рутенбург**	81	94	172
Им. Кагановича	**Шахгильдян**	97	101	129
Восточносибир.	**Крохмаль**	91	93	136
Октябрьская	**Синев**	93	76	96
Северная	**Федан**	44	61	73
Турксиб	**Михайленко**	123	67	186
Сталинская	**Трестер**	77	85	91
Донецкая	**Торопченов**	75	87	116
Юго-Западная	**Свиридов**	86	72	103
Одесская	**Суслов**	83	100	136
Кировская	**Ледник**	80	95	88
Юго-Вост. Врид.	**Гребенниченко**	80	73	145
Ярославская	**Винокуров**	98	87	169
Москва—Донб.	**Андреев А. Н.**	77	78	132
М.-Киевская	**Жуков**	85	72	140
Южно-Уральск.	**Бодров**	79	88	154
Северокавказск.	**Маевский**	59	85	153
Сталинградская	**Гродис**	67	63	176
Горьковская	**Бадышев**	72	84	122
Томская	**Ваньян**	84	97	107
Омская	**Андреев С. А.**	88	88	89
Оренбургская	**Ковылкин**	48	93	286
Ряз.-Уральская	**Кавтарадзе**	76	78	207
Южная	**Шушков**	83	76	131
Им. Дзержинского	**Кучмин**	110	72	156
Им. Ворошилова	**Дашко**	57	67	179

Погружено всего: 73.110 ваг. 86,0 проц.
Разгружено » 73.472 » 86,0 »

ЛЕКЦИИ, КОНЦЕРТЫ И ТЕАТРЫ.

БОЛЬШОЙ — Снегурочка; ФИЛИАЛ БОЛЬШОГО — Фауст; МАЛЫЙ — 1 аб., т. 3 — Любовь Яровая; ФИЛИАЛ МАЛОГО — Женитьба Белугина; МХАТ ИМ. ГОРЬКОГО — Любовь Яровая; ФИЛИАЛ МХАТ — Пиквикский клуб; КАМЕРНЫЙ — Родина; ИМ. ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА — Лес; ИМ. ЕВГ. ВАХТАНГОВА — Аристократы; ГОСФИЛ — БОЛЬШОЙ ЗАЛ КОНСЕРВАТОРИИ — концерт пианиста Эмиля Гилельса, назначен. НА СЕГОДНЯ, ПЕРЕНОСИТСЯ на 15 февраля. Бил. со штамп. 26/I действит. 15/II; МАЛЫЙ ЗАЛ КОНСЕРВАТОРИИ — Концерт — САУЛА ЛЮБИМОВА, в прогр. еврейская народная песня; КОЛОННЫЙ ЗАЛ ДОМА СОЮЗОВ — КОНЦЕРТ; ЦЕНТР. ТЕАТР КРАСНОЙ АРМИИ — Большой день (закрытый спект.). Действ. постоян. места и бил. с синей полосой; ЕВРЕЙСКИЙ — Разбойник Бойтре; ТЕАТР-СТУДИЯ п/р. Р. СИМОНОВА — Всегда в пять; РЕВОЛЮЦИИ — Гибель эскадры; МОСК. ДРАМАТИЧ. (в пом. т-ра Ленсовета) — Не было ни гроша, да вдруг алтын; ИМ. ЕРМОЛОВОЙ — Платон Кречет; МООПС — Васса Железнова; САТИРЫ — Большая семья.

АДРЕС РЕДАКЦИИ и ИЗД-ВА: Москва, 40, Ленинградское шоссе, улица «Правды», д. 24. ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ РЕДАКЦИИ: Справочное бюро — Д 3-15-68; Партийный — Д 3-10-86; Сов. строительства — Д 3-11-12; Военный — Д 3-32-67; Сельхоз. — Д 3-10-66; Промышленность и транспорт — Д 3-11-04; Торгово-финансовый — Д 3-10-84; Иностранный — Д 3-11-09; Информация — Д 3-15-80; Письма рабоч. и колхоз. — Д 3-10-86; Обзоры печати — Д 3-30-72; Школа, наука и быт — Д 3-11-13; Искусства — Д 3-11-06; Местная сеть — Д 3-15-47; Фельетоны — Д 3-30-65; Критика и библиогр. — Д 3-11-07; Иллюстрационный — Д 3-33-85; Секретариат редакции — Д 3-15-64; Корреспондент. бюро — Д 3-15-69; Отдел об'явлений — Д 3-30-12; О недоставке газеты в срок сообщать по телефонам: Д 3-30-61 или Д 3-32-44.

Уполномоченный Главлита № В—26551. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Изд. № 25.